

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 376 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

KRIMINOLOOGIA-ALASEID TÖID
ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

V

TARTU 1976

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 376 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

KRIMINOLOOGIA-ALASEID TÖID
ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

V

TARTU 1976

Redaktsioonikolleegium: E.Raska, I.Rebane,
I.Sildmäe, H.Kärtner (vastutav toimetaja).

Kinnitatud Kriminoloogia Laboratooriumi
nõukogus 10. jaanuaril 1975

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
И ИНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В ЭСТОНСКОЙ ССР*

Г. Х а з а к,
кандидат юридических наук.

I. Основные данные, характеризующие динамику, локализацию и структуру преступности в республике

За последние годы (1971-1973) количество совершенных преступлений по сравнению с предыдущим периодом (1966-1970) оставалось стабильным. В то же время проявляется определенная тенденция к снижению количества уличенных преступников. Так, в 1972 году количество лиц, совершивших преступления, сократилось по сравнению с 1971 годом на 0,5%, а в 1973 году по сравнению с 1972 годом - на 2,2%.

Коэффициент преступлений на 10000 человек населения в 1973 году превышал среднереспубликанский в Рапласком, Пайдеском и Раквереском районах, в городах Нарве, Таллине и Тарту. При этом коэффициент уровня преступности в городах Таллине и Тарту близок к среднереспубликанскому. Сравнительно меньше совершалось преступлений в Кингисепском, Хаапсалуском, Выруском, Валгаском, Пярнуском и Пылъваском районах.

По министерствам и ведомствам наибольшее количество уличенных преступников было в системе Министерства заготовок, Министерства строительства, Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог.

---

* Доклады, прочитанные на утренниках криминологической лаборатории ТГУ 25 марта 1973 г. и 24 февраля 1974 г., публикуются с некоторыми сокращениями.

В структуре преступности по количеству зарегистрированных преступлений по данным 1973 года на первом месте находятся кражи личного имущества граждан, составляющие 21% от общего количества совершенных преступлений. На втором месте - хищения государственного и общественного имущества (13,8%), на третьем - различные формы паразитизма (злостное уклонение от общественно полезного труда, бродяжничество, злостное уклонение от уплаты алиментов, нарушение правил паспортного режима и т.п.) - 11,6%, на четвертом - хулиганство (10,7%) и на пятом - транспортные преступления (8,0%).

Особое внимание следует уделить более тяжким или распространенным преступлениям (умышленное убийство, умышленное нанесение особо тяжкого телесного повреждения, изнасилование, хищение государственного и общественного имущества, кража личного имущества граждан, грабеж, разбойное нападение, хулиганство). Общее количество преступлений указанной группы, их удельный вес в структуре преступности и коэффициент на 10000 человек населения в течение длительного времени имеет в республике тенденцию к снижению.

Так, если сравнить три года (1971-1973) с предыдущим пятилетием (1966-1970), то количество указанных преступлений сократилось в республике на 17%, а количество уличенных преступников - на 21,8%. Если удельный вес вышеуказанных преступлений составлял в общей структуре преступности в 1961-1965 гг. 68,5%, то в 1966-1970 гг. - 61,6% и в 1971-1973 гг. - 51,1%.

В 1973 году количество уличенных в совершении этих видов преступлений по сравнению с 1972 годом также несколько сократилось, чего, однако, нельзя сказать в части количества зарегистрированных преступлений. В этом смысле 1973 год является определенным отклонением от проявившейся в течение более длительного периода тенденции к снижению общего количества более опасных или распространенных преступлений. И хотя удельный вес таких опасных преступлений, как умышленное убийство, нанесение особо тяжкого телесного повреждения, изнасилование и разбойное нападение по отдельным видам составляет в общей структуре преступности по республи-

ке лишь около 1,0% борьбу с этими преступлениями следует всегда считать одной из первостепенных задач в борьбе с преступностью в целом, поскольку речь идет о более тяжелых и опасных преступлениях против личности. Каждый единичный случай проявления этих видов преступлений должен рассматриваться как чрезвычайное происшествие.

При этом обращает на себя внимание то, что из умышленных убийств около 70% совершается на почве личных взаимоотношений (семейные скандалы, ревность, драка на почве пьянства и т.п.). Лишь в единичных случаях убийство совершается при отягчающих обстоятельствах (корысть, хулиганские побуждения и т.п.). Мотивы, сопряженные с личными взаимоотношениями, доминируют и при причинении особо тяжкого телесного повреждения. Из этого следует вывод о необходимости больше уделять внимания борьбе с различными правонарушениями в быту, семье, своевременно выявлять и привлекать к общественной или административной ответственности так называемых семейных скандалистов, пьяниц и нарушителей общественного порядка. Большая роль в этом, безусловно, принадлежит общественности, в первую очередь коллективам трудящихся.

В центре внимания административных органов и общественных организаций постоянно находятся вопросы борьбы с хищением государственного и общественного имущества. Хотя в последнее время и наблюдается определенная тенденция к снижению количества хищений, эта тенденция еще недостаточно стабильна. В 1973 году количество хищений социалистического имущества по сравнению с 1972 годом не уменьшилось. Наибольший ущерб был нанесен хищениями (по направленным в суд делам) таким отраслям народного хозяйства, как потребкооперации (16% от общего ущерба), государственная торговля (15,3%), колхозы (12,3%). При этом причиненный в 1973 году хищениями ущерб значительно возрос в колхозах, совхозах, строительных организациях и на железнодорожном транспорте.

Чаще других совершали хищения работники системы Министерства сельского хозяйства (8,8% от общего количества расхитителей), Министерства строительства (8,2%), Министерства торговли (5,8%), потребкооперации (5,8%). В этих министерствах и ведомствах в 1973 году отмечался также рост числа расхитителей. Заслуживает также внимания, то обстоятельство,

что из всех мелких хищений государственного или общественно-го имущества в системе государственной и кооперативной торговли было совершено 51,5% (в 1972 году - 42,4%).

Кражи личного имущества граждан как самый распространенный вид преступлений в целом по республике имеет тенденцию к снижению. В 1973 году по сравнению с 1972 годом также продолжалось снижаться количество уличенных в совершении кражи лиц, однако количество зарегистрированных краж не снизилось. Наиболее распространенными остаются квартирные кражи, составляющие 42% от общего количества краж.

В республике утвердилось последовательное сокращение хулиганства. Так, по сравнению с 1966 годом уголовно наказуемое хулиганство сократилось в республике более чем наполовину. В 1973 году по сравнению с 1972 годом количество хулиганств уменьшилось на 4,1%, а количество уличенных в совершении хулиганства лиц - на 13,1%. Тем не менее, в некоторых городах и районах (гор. Тарту, Раквереский, Хаапсалуский район) произошел рост количества уличенных хулиганов.

Из других наиболее распространенных видов преступлений следует отметить значительное уменьшение в 1973 году общего числа транспортных преступлений. Хотя в республике из года в год растет количество транспортных средств, транспортные преступления в 1973 году по сравнению с 1972 годом сократились на 14,3% (в 1972 году по сравнению с 1971 годом - на 2,5%). При этом снизился и коэффициент транспортных преступлений на каждую 1000 транспортных средств. Такое положение во многом объясняется активизацией борьбы с различными административными правонарушениями на транспорте и тем самым повышением эффективности предотвращения более тяжелых правонарушений.

Общее количество угона механизированных транспортных средств в последние годы остается по республике стабильным, составляя 5,6% от общего количества всех преступлений.

При анализе и оценке уровня (коэффициента) и структурных показателей преступности по городам и районам необходимо учитывать не только общее количество преступлений и уличенных в их совершении лиц, но и удельный вес и распространенность отдельных видов преступлений по сравнению со средне-республиканскими структурными показателями преступности.

Ведь далеко не безразлично, доминируют ли в структуре преступности более тяжкие преступления или же, например, преступления на почве паразитизма, привлечение к ответственности за которые во многом носит профилактический характер.

Исходя из этого, вызывает особую озабоченность состояние преступности в городах Нарве и Кохтла-Ярве, а также в Вильяндском районе, где, наряду с высоким коэффициентом общего количества преступлений, удельный вес более тяжких и распространенных преступлений (упомянутые 8 видов) также выше среднереспубликанского. В то же время, например, в Хартумском, Рапласком, Пайдеском и Раквереском районах при сравнительно высоком уровне преступности в целом, удельный вес более тяжких и распространенных преступлений значительно ниже соответствующего среднереспубликанского показателя.

II. Состояние преступности среди несовершеннолетних

Удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступления, составил в 1973 году 16,3% от общего числа уличенных преступников, т.е. каждый 5 - 6 преступник является несовершеннолетним. Наиболее высокий удельный вес несовершеннолетних преступников отмечался в городах Силламяэ (36,2%), Нарве (22,8%), Кохтла-Ярве (20,9%), в Вильяндском (25,2%), Кохтла-Ярвеском (24,3%) и Пярнуском (20,9%) районах.

Как и в 1972 году, более половины всех несовершеннолетних преступников было привлечено к ответственности за совершение имущественных преступлений (в 1972 году их доля составляла 58%, в 1973 году - 55,8%). Высокой остается также доля хулиганов (21%). По-прежнему остается значительной групповой преступность среди несовершеннолетних (в 1971 году совершили преступления в группе 61,4% подростков, в 1972 году - 64,2%, в 1973 году - 64,3%).

В 1973 году несколько снизилось как абсолютное число, так и удельный вес рабочих подростков в общем числе несовершеннолетних преступников (их удельный вес составлял 32,2%). Вместе с тем, среди уличенных в совершении преступления несовершеннолетних, на 28,7% возросло количество учащихся школ Министерства просвещения. Их удельный вес среди несовершеннолетних преступников составлял 27,7% а вместе с уча-

щимися профтехучилищ - 44,2%. Не работали и не учились 13% из всех уличных несовершеннолетних преступников.

За последние годы отмечается рост удельного веса 14-15-летних преступников в общем числе несовершеннолетних преступников (в 1971 году - 21,5%, в 1972 году - 23,5%, в 1973 году - 28,7%).

Данные об общеобразовательном уровне подростков, совершивших преступление, говорят о росте количества лиц, не имевших 8-летнего образования (в 1971 году - 41,7%, в 1972 году - 46,2%, в 1973 году - 46,7%).

В 1973 году среди несовершеннолетних преступников было 5,4% девочек (в 1972 году - 5,1%).

Крайнюю озабоченность вызывают данные о несовершеннолетних, совершающих преступления в состоянии опьянения. В 1973 году под влиянием алкоголя совершили преступления 44,9% несовершеннолетних (в 1971 году - 46,1%, в 1972 году - 44,6%).

Все это определяет основные задачи и направления в организации борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди несовершеннолетних. Это остается одной из центральных проблем в борьбе с преступностью в целом.

III. Обстоятельства, непосредственно влияющие на состояние преступности

Пьянство и алкоголизм

Злоупотребление алкоголем является одним из основных, способствующих преступности, обстоятельств. Почти каждое второе преступление в республике совершается в состоянии опьянения. В нетрезвом состоянии совершается большинство более тяжелых, сопряженных с применением насилия, преступлений. Так, в нетрезвом состоянии по данным 1973 года совершено 77% умышленных убийств, 84% - нанесений особо тяжкого телесного повреждения, 76% - изнасилований, 78% - грабежей, 89% - разбойных нападений и 88% - хулиганств.

Начиная с 1966 года, в результате активизации борьбы с пьянством, в республике постоянно увеличивалось число лиц, задержанных за появление в пьяном виде или распитие спиртных напитков в общественных местах. Параллельно с этим наблюда-

ется значительное и систематическое уменьшение числа лиц, совершивших мелкое или уголовно наказуемое хулиганство (которое, как правило, совершается в нетрезвом состоянии).

Так, в 1971 году по сравнению со средним показателем за 1967-1970 гг. количество лиц, уличенных в нарушении общественного порядка в нетрезвом состоянии, возросло на 17,2% и вместе с тем сократилось число уличенных за мелкое хулиганство на 11,8% и за уголовно наказуемое хулиганство - на 32%. В 1972 году соответствующие данные по сравнению с 1971 годом составляли +9,7% -1,8%, -11,9%.

В 1973 году общее количество лиц, уличенных в нарушении Указа Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 30 июня 1972 года "О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма" по сравнению с количеством лиц, задержанных в пьяном виде в 1972 году, несколько сократилось, но в то же время продолжалось снижаться и число лиц, совершивших как мелкое, так и уголовно наказуемое хулиганство (соответственно -5,3%, -5,2% и -13,1%). Несколько сократился и удельный вес лиц, совершивших преступления в нетрезвом состоянии (в 1971 году они составляли 50,5% от общего числа уличенных преступников, в 1972 году - 48,9%, в 1973 году - 45,8%).

Эффективность своевременной изоляции и применение соответствующих мер воздействия к лицам, нарушающим правопорядок в нетрезвом состоянии, проявляется и в борьбе с транспортными преступлениями.

В 1973 году задержанных в нетрезвом состоянии шоферов транспортных средств в целом уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 3,7% (до этого их число росло), но в то же время увеличилось на 16,5% количество шоферов, повторно задержанных в нетрезвом состоянии. Их своевременное привлечение к ответственности (вплоть до уголовной) за повторное задержание при управлении транспортным средством в нетрезвом состоянии, безусловно, способствует уменьшению тяжких транспортных преступлений, поскольку одна треть из всех уличенных в 1971-1973 годах в транспортных преступлениях лиц совершили их в нетрезвом состоянии.

В то же время недопустимо, чтобы количество лиц, задержанных в нетрезвом состоянии за нарушение общественного по-

рядка, постоянно росло, так как результативность активизации работы органов внутренних дел в этой области должно выражаться и в повышении воспитательной работы, проводимой с правонарушителями в коллективах трудящихся. О значительных резервах этой работы свидетельствуют данные о том, что около 1/3 из всех лиц, задержанных в нетрезвом состоянии, привлекаются повторно за аналогичное правонарушение в течение года.

Поэтому необходимо, наряду с активной борьбой по очищению улиц и других общественных мест от пьяниц, уделять все большее внимание конкретной воспитательной работе, создать в коллективах вокруг них атмосферу нетерпимости.

Паразитический, антиобщественный образ жизни

Значительная часть преступников ведет паразитический, антиобщественный образ жизни. В течение последних лет каждый четвертый преступник во время совершения преступления не имел постоянного места работы, а около 8,0% из общего количества уличенных преступников не имели постоянного места работы свыше 2-х месяцев или занимались бродяжничеством. Если учесть, что часть из этих лиц была привлечена к уголовной ответственности за преступления, непосредственно связанные с паразитическим образом жизни (злостное уклонение от общественного полезного труда, бродяжничество, нарушение правил Положения о паспортах), то среди лиц, совершивших иные преступления, удельный вес неработающих составлял 16%.

Особое внимание заслуживает при этом то обстоятельство, что многие более тяжкие преступления совершаются лицами, ведущими паразитический образ жизни. Так, из общего количества преступников, совершивших в 1973 году более тяжкие преступления (перечисленные 8 видов), 4,8% следовало бы вовремя привлечь к ответственности за злостное уклонение от общественно полезного труда или бродяжничество. Тем самым было бы предотвращено совершение этими лицами более тяжких преступлений, в первую очередь краж личного имущества граждан, где паразитизм среди уличенных преступников проявляется особенно отчетливо.

Хотя в последние годы несколько активизировалась борьба с паразитическим, антиобщественным образом жизни во всех его

Проявлениях, вызывает тревогу обстоятельство, что значительное количество лиц, уклонившихся от поступления на работу после предупреждения, остается вне поля зрения административных органов. Кроме того, 1/5 часть из злобно уклонившихся от общественно полезного труда (после соответствующего решения исполкома СДТ) вовремя не были привлечены к уголовной ответственности за паразитический образ жизни.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что из задержанных органами внутренних дел в 1973 году лиц, не имеющих постоянного места жительства, 12,1% свыше года вели паразитический образ жизни, однако своевременно к ответственности привлечены не были.

Все это указывает на то, что имеются значительные резервы для повышения целенаправленности и эффективности борьбы с антиобщественным паразитическим образом жизни как обстоятельством, непосредственно способствующим совершению более опасных и распространенных преступлений.

Наряду с решительной борьбой с пьянством, алкоголизмом и паразитическим образом жизни, которые между собой, как правило, очень тесно связаны, следует постоянно уделять внимание и проблемам борьбы с рецидивной преступностью, а также добиваться максимального осуществления принципа неотвратимости наказания, что выражается в оперативном раскрытии преступлений и своевременном привлечении к ответственности исключительно всех лиц, их совершивших.

Всесторонний и глубокий анализ состояния правопорядка и законности является единственно возможным базисом для разработки конкретных мер по усилению борьбы с преступностью, для целенаправленной организации и планирования всей работы административных органов.

ÕIGUSPROPAGANDAST MASSIKOMMUNIKATSIOONIVAHENDEIS^x

L. K o i k ,
bülletääni "Nõukogude Õigus" peatoimetaja

Uurimus ühe suure Tallinna ettevõtte kohta andis muuhulgas ka selliseid tulemusi: 95 % tööliskonnast loeb regulaarselt ajakirjandust; 66 % kuulavad alaliselt Eesti Raadio ja Televisiooni õiguspropagandalisi saateid; kollektiivis valitseb peaaegu üldine arvamine, et õ i g u s k ü s i m u s e d s e o n d u v a d a i n u l t õ i g u s e r i k k u m i s t e g a .

Arvan, et õiguspropagandas, mida me teeme massikommunikatsioonivahendeis, eriti ajakirjanduses, nimetatud protseente ignoreerida ei tohi. On väga tähtis teada ja arvestada adressaati, kellele, kus, kuidas ja mida kirjutada, mida esmajärguliseks pidada. Ka sellel, et töökollektiivis arvatakse kõiki õigusküsimusi õiguserikkumistega seonduvaiks, on kindel loogiline alus. Millal tekib inimesel vajadus hakata uurima õigusnorme? Ikka siis, kui tema või tema lähikondlaste õigusi arvatakse rikutud olevat, kui tekib küsimus, miks on nii- või teistmoodi toimitud. Kui aga selliseid probleeme ei teki ja kõik sujub n.-õ. normaalselt, pole ka õigusega kokkupuutumist - puudub vajadus. Kahjuks ei kulge kõik aga kirjapandud seaduste järgi.

Õiguskasvatus, õigusteadvus ja õiguspropaganda on üksteisele lähedased ja ühiskonnale vajalikud. Elu on näidanud, et mida parem on õiguskasvatus, seda kõrgem on ka õigusteadvus. Õiguserikkumisteta ühiskond on ideaal. Selle eesmärgi saavutamise üks vahendeid on õiguspropaganda. Seda

---

^x Ettekanne, peetud TRÜ kriminoloogia laboratooriumi ettekandehommikul 27. jaanuaril 1974. a.

- populariseerida õigust, veenda inimesi õiguskorrrast lugu pidama, seadusi järgima, austama ühiselureegleid - tuleb meil kõigil teha ja see on iga juristi ametikohus. Alustama peab maast-madalast. Lapsi tuleb kasvatada selliselt, et seaduste austamine ja täitmine saaks neile sisemiseks vajaduseks. Niisiis deviis: hea õiguskasvatusega kõrgele õigus-teadvusele!

Loomulikult ei saa ega võigi seejuures nõuda, et näiteks poisid unustaksid indiaaniromantika, et nad ainult purilennukiehitajad, liblikakorjajad, alalised raamatukogulugejad või tubased margikogujad oleksid. Kuid me peame nõudma ja jälgima, et nad oma energiakulutamise ja fantaseerimisega liiale ei läheks. Me peame kasvatama noori viisakusest lugu pidama, arendama nendes ausus- ja õilsustunnet, me peame õpetama neid vahet tegema, mis on hea ja ilus, mis halb ja võlts. Eesmärgiks olgu see, et poistest ei kasvaks sihitult ümberhulkujaid, et nende sõprusgruppidest ei areneks huligaanitsevaid jõuke, kes kriminaalseadusega vastamisi satuvad. Tüdrukutega on pisut lihtsam, kuid nendegi arengus ja harrastustes ilmneb väärastusi.

Probleem pole uus, võidakse öelda. Seda on ju senigi lausa aksioomina silmas peetud, selle eest on võideldud koolis, pioneeri- ja komsomoliorganisatsioonis, kodus. Kasvatatusprobleemid on tõesti kõikjal esiplaanil. Ometi on ka prokuratuur, siseministeeriumi ja kohtuorganid sunnitud nende küsimustega tegelema. Kohtustatistika näitab, et alaealiste osakaal nende hulgas, kes on pannud toime kuriteo huligaanseil ajendeil, on suur. Mõtlemata paneb ka asjaolu, et kõigi süüdimõistetud alaealiste seas on õppivate noorte osa kasvanud ja et umbes neljandik alaealiste kuritegusid on toime pandud purjuspäi. Järelikult pole asjad kaugeltki korras. Õiguskasvatus tahab parendamist. Võib ainult head meelt tunda, et viimasel ajal on õiguspropaganda haare laienenud ning õiguspropaganda ise tõhustunud.

Suure mõjujõuga õiguspropagandavahendid on ajakirjandus, raadio ja televisioon. Eriti peab ajakirjandus olema õiguspropagandas justitsorganeile hea kolleeg. Auditoorium on ajakirjandusel uskumatult suur. See nõuab tähelepanelikust, täpsust; igasuguse toormaterjali avaldamine, mis on

seotud diletantlikkuse ja sensatsioonitaotlusega, on lubamatu. Siit jõuame aga tähtsa eelduseni viljakaks ajakirjandustööks - koostööni kompetentsete organitega.

Enne kriminaalse materjali avaldamist on koostöö uurimis- ja kohtuorganitega vältimatult vajalik. Tundub, et me olemegi saavutamas seda, et ajakirjanik ei lase end enam nakatada sensatsioonihimust. Muidugi juhtub veel, et toimetustes redigeeritakse juriidilisi formuleeringuid kergekäeliselt, koguni muudetakse (mitte küll halvausklikult, vaid oskamatuses ja rahulolematusest nn. kuiva juriidilise keele ja terminoloogiaga) ning lugejaile esitatakse desorienteeriv informatsioon.

Jurisprudents on sedavõrd diferentseerunud, et õpetatud juristki ei suuda enam võrdselt orienteeruda tsiviil- ja kriminaalõiguses, riikliku arbiteri ja notari tegevuses, või näiteks administratiivvastutust reguleerivais normatiivaktides. See on ka toimetustes selgeks saamas. Sõna pakutakse eelkõige oma eriala spetsialistidele, teadlastele ja praktikule: kohtunikule, prokuröörile, juriskonsuldile, justiitsametkonna töötajale. See pettepilt, et fakt, mis pärit kohtust või uurimisorganilt, annab ajakirjanikule suuri võimalusi lugejais oma kirjutise vastu tähelepanu äratada, hakkab kaduma. Siiski pole veel kõik selge. Palju on arvamusi selle kohta, kuidas õiguskasvatust paremini korraldada. Tundub, et kui keskkooliõpilaste, üldse noorte õiguskasvatuses peaks suuna võtma kodanikuõpetusele, mitte seaduste tutvustamisele-õpetamisele, siis täiskasvanuid, eriti neid, kel töö või ühiskondlikus tegevuses tuleb õigusküsimustega kokku puutuda, tuleks suunata seadustike juurde, õpetades neid tundma just seadusi.

Ajakirjanduses kasutatakse paljusid žanre. Ent mida ka ei kirjutataks ja millises žanris, ikka on juttu inimestest, nende elust - inimsuhetest. (Muidugi kuuluvad selliste tööde hulka ka kõik kriitilised kirjutised, vaatamata žanrile.) Inimsuhted on aga äärmiselt keerulised. Seepärast polegi vahest tarvis eriti rõhutada, et inimsuhteid tuleb käsitleda ka väga tasakaalukalt. Asju, millest kirjutatakse, tuleb põhjalikult tunda. Meie töö eetika küll reglementeerib, et asjatundmatult ei tohi kirjutada midagi, kuid

seada enam peame olema valvsad, kui kirjutame inimesest, inimsuhetest. See kehtib ka selle inimese ja tema tegevuse kohta, kes on kohtu süüpingis. Ja mitte üksnes moraalsest printsiibist lähtudes, et eetika nõuab, - sellest kõnel-dakse üsna põhjalikult ka seaduses.

Õigusemõistmist teostavad ainult kohtud. See on kons-titutsiooniline säte - ENSV K § 77. Kedagi ei tohi süüdi tunnistada kuriteo toimepanemises ja nimetada kurjategijaks, kuni puudub süüdimõistev kohtuotsus. Järelikult on loodud kindel õiguslik tagatis isikupuutumatusel. Seega ka igasu-gune "eelinformatsioon", milles tuuakse ära konkreetsed isikud teatud kuriteo toimepanijatena (või muud isikuid puu-dutavad andmed), on enneaegne ja lubamatu.

Võidakse väita, et avaldades materjale konkreetsete ku-ritegude ja neid toimepannud isikute kohta, luuakse või suu-natakse avalikku arvamust ja kujundatakse kõige operatiiv-semal viisil nende isikute ümber hukkamõistustõhkkond. Kuid nimetades kedagi kurjategijaks, kui selle isiku kohta puu-dub süüdimõistev kohtuotsus, kirjeldades tema poolt toime-pandu üksikasju jne., asutakse ju suunama avalikku arvamust puudulike materjalide alusel ning lubamatul viisil. Niiviisi kirjutada on ohtlik mitte üksnes seepärast, et kogu see "selge asi" võib kohtusaalis muutuda hoopis teiseks ning seda on raske lehes parandada, vaid avaliku arvamuse teki-taja võib sattuda koguni ise süüdistatava ossa - temast võib saada avalik laimaja. On olnud juhtumeid, kus kirjatü-ki autor võtab puhta kullana mõne tunnistaja ütlusi-seletu-si-kommentaare. Ent kohtus lükatakse need kui subjektiivsed, ühekülgsed ja äärmiselt ebaobjektiivsed ütlused viimseni ümber. Kujutlegem nüüd kirjutisega kiirustanud autorit uues rollis. Vanast Roomast on meile pärandunud tolleagsete ju-ristide nõuanne: "Kui näed inimest, kes hoiab kinni noa peast, mis on tapetu rinnas, ära kiirusta ütleva, et nägid mõrvarit - võib-olla tahtis ta kannatanu rinnast nuga välja tõmmata!"

Pole üleliigne rõhutada, et ajakirjanik ei tohi mingil juhul unustada, et kirjutada inimsuhetest ja sündmustest, mida ta pole põhjalikult ja objektiivselt tundma õppinud, on lubamatu. Samuti tuleb teada, et ka raskes kuriteos süüdi-

mõistetul on õigus rahvakohtu otsuse peale edasi kaevata, et ülemkohtu kohtukolleegium võib selle otsuse jõusse jätta, kuid ülemkohtu presiidium kolleegiumi määruse tühistada. Asi võib edasi minna ülemkohtu pleenumi arutada ja järelevalvekorras veel kord arutusele tulla. Lõpuks tuleb otsus, kus fikseeritakse, et isik polegi temale inkrimineeritud teos süüdlane. Selliseid pretsedente kohtupraktikas leidub. Keerukates asjades peetakse mitmes kohtuinstantsis tuliseid vaidlusi, vaetakse kõiki tõendeid mitu ja mitu korda, ning objektiivne tõde võib ikkagi peitu jääda.

Mõni aeg tagasi oli Pärnus kohtuprotsess, kus üht noormeest süüdistati ENSV KrK § 100 järgi, s.o. tapmises. Ta mõistetigi süüdi. Rahvakohtu otsuse jättis muutmata ka Eesti NSV Ülemkohtu kriminaalasjade kohtukolleegium. Advokaadi kaebuse jätsid rahuldamata nii ülemkohtu esimees kui ka vabariigi prokurör: nad ei protestinud järelevalve korras. Alles NSV Liidu peaprokuröri ettepanekul, kelle juures advokaat oli käinud oma veendumuse kutsel avaldust sisse andmas, võeti kriminaalasi läbivaatamisele ENSV prokuröri asetäitja järelevalveprotesti alusel. Eesti NSV Ülemkohtu presiidium kvalifitseeris kuriteo § 100-lt ümber hädakaitsepiiride ületamisele.

Drastilise juhtumi võib tuua ka naaberriigi Soome kohtupraktikast. Ühes soome lehes ilmus artikkel, mis tekitas sealses ajakirjanduses sensatsiooni. Keegi mees mõisteti 8 aastat tagasi süüdi tapmise pärast raskendavail asjaoludel, teda karistati 15-aastase vabadusekaotusega. Advokaatide taotlused ei aidanud: kohtuinstantsid jäid kindlaks - kõik asjaolud olid süüdimõistetule vastu, oli imelisi kokkusattumisi, nagu hiljem selgus. Mõõdus 7 aastat. Octamatult ilmus politseisse keegi mees süütunnistusele: südametunnistuse piinad olid lõpuks teinud oma töö, ta ei suutnud enam vastu pidada, sest tema asemel istus vanglas absoluutselt süütu. Riik püüdis 7 aastat süütult vanglas istunud mehele kahju soliidiselt korvata. Ent kas on üldse võimalik hüvitada kahju, mida olid tekitanud süüdimõistetule endale, tema sugulastele, tuttavatele ja töökaaslastele kära ajakirjanduses, televisiooni- ja raadiosaated jne. jne.

Muidugi ei ole niisugused lood tavalised. Ent seda enam

tuleb teatava respektiga suhtuda kohtulugudesse, üldse informatsiooni kuritegudest. Tuleb arvestada, et mõnikordne eeluurimise käigus andmete hankimine on ilme kiirustamine ega ole üldse soovitatav.

Pole sugugi erand, et ajakirjanikud seetõttu küsivad, kas neil pole siis õigust uurimise käigus saada ülevaadet tunnistajate ütlustest ja tutvuda muude süüasjas kogutud dokumentidega, mis iseloomustaksid "kurjategijat". Alles 1973. aasta lõpul esitati selline küsimus ajakirjanike häälkandjale "Žurnalist", kus ka 11. numbris üsna põhjalik vastus anti.

Kõigepealt sõna "kurjategija" tähendusest eeluurimise staadiumis. Sellest oli juba juttu, et niisugust nimetust ei tohi eeluurimise käigus kasutada. Nüüd küsimus ise. ENSV KrPK § 117 ütleb: "Eeluurimise andmeid võib üle anda avalikkusele ainult uurija või prokurööri loal ja selles ulatuses, milles nad seda võimalikuks peavad. Uurija hoiatab vajaduse korral protsessiosalisi, tunnistajaid, eksperti, tõlki ja manukaid eeluurimise andmete avaldamise lubamatuse suhtes."

Seega seadus otseselt ei keela eeluurimisandmete publikseerimist, kuid lubab seda vaid teatud tingimusi silmas pidades. Kohtueelse uurimise andmete enneaegne avaldamine selliste asjaolude kohta, mille kontrollimiseks on veel vaja tarvitusele võtta operatiivjälitusabinõud ja mitmesugused uurimistoimingud, võib kahjustada kriminaalasja uurimist. Kuriteo toimepannud või sellega seotud isikud võivad hävitada kuriteo jälgi, hoiatada teisi kuriteost osavõtnuid jne. Just seda rõhutatakse ka kommentaaris kriminaalprotsessikoodeksi § 117 juurde.

Kõigile neile, kes selliselt kogutud andmetega sõandavad avalikkuse ette tulla, on karisid küll ja küll. Meeles tuleb pidada sedagi, et uurija tööle annab hinnangu kohus, kus kontrollitakse kõiki tõendeid, püütakse võimalikult täpselt välja selgitada objektiivne tõde.

Kohtureportaaž on väga tõsine ja vastutusrikas žanr. Järelduste tegemine ühest või teisest faktist on enamasti seotud raskete eksimisvõimalustega. Tahaksin siinkohal tsi-

teerida üht osa kaitsja Plevako kohtukõnest, mis on esitatud prof. Ilmar Rebase raamatus "Avalik kõne": "Kui te küsite minult, kas ma olen veendunud tema (s.o. kohtualuse) süütes, ei ütle ma, jah, olen veendunud. Valetada ma ei taha. Kuid ma pole veendunud ka tema süüs... Kui tuleb valida elu ja surma vahel, siis peavad kõik kahtlused kõnelema elu kasuks." Seda ütles kaitsja, kes kohtualusest ja tema tegevusest teab alati rohkem kui teised protsessiosalised, rääkimata inimesest, kes hakkab kirjutama protsessist, kuriteosündmusest ja kohtualusest, informeerides ja järel-dusi tehes, lugejale, avalikkusele.

Ajakirjanike ringkondades ja ka mujal on levinud arva-mus, et on üsna vähe asju, millele ajakirjandus kriitili-selt läheneda ei saa ega tohi. Võimatu ja keelatu hulka po-le arvatud ka kohtute ja uurimisorganite suhtes tehtavat kriitikat. Arvan siiski, et on täiesti kohatu kritiseerida ajakirjanduses uurija tegevust, samuti avaldada kohtuprot-sessi suhtes oma erinevat hoiakut. Pean väga õigeks "Izvestija" toimetuse töötaja Juri Feofanovi positsiooni eespool viidatud kuukirja numbris: "Õigusemõistmist võrrel-dakse sageli meditsiiniga, täpsemalt kirurgiaga. Kuid ma ei tea juhtumeid praktikas, kus operatsiooni käigus ajakirja-nikud oleksid kirurgile küsimusi esitanud või nõuandeid ja juhendeid andnud." Nagu artiklis väidetakse, on "Izvestijal" kindel põhimõte: kriminaalasjadest kirjutatakse ainult pä-rast kohtuotsuse jõustumist.

Võib veendunult kinnitada, et ajakirjanik ei suuda se-da, mida uurija on kohustatud tegema. ENSV KrPK § 19 ja § 107 sätestavad need kohustused võrdlemisi üksikasjalikult. Tsiteerigem siinkohal vaid üht väikest lõiku kriminaalprot-sessikoodeksist (§ 107 komm. 4): "Üldsuse kaasatõmbamine uurija poolt kõigi nende asjaolude selgitamisele peab toi-muma seaduslikkuse raames, kodanike õiguste ja seaduslike huvide silmaspidamisega. See peab toimuma põhjendatult. Üld-susele ei või teatavaks teha kontrollimata andmeid ja ole-tusi ega alandada Nõukogude kodanike väärikust."

Võidakse arvata, et siin on lähtunud advokaadi vaate-vinklist. Ei, nii see pole. Vaadeldud normid käivad just süüdistava poole kohta. Need normid kohustavad inimesest lu-

gu pidama, olema objektiivne ja aus, nad tulenevad meie partei poliitikast. Järelikult kehtivad esitatud nõuded ka ajakirjanduse kohta.

Kohtureportaaži võib ja tuleb kirjutada. See kuulub õiguspropagandas hinnatud preventiivse materjali hulka. See on ajakirjanikule tänuväärne žanr, sest seda laadi artikleid loevad lehest või ajakirjast läbi küllap kõik väljande lugejad. Kuid kohtureportaaž täidab oma ülesande vaid siis, kui kirjutatud on vaheda sulega, emotsionaalselt, žanri nõudeid täites ja ohtlikest karidest hoidudes. Onus probandi kehtib mitte üksnes süüdistava poole suhtes kriminaalõiguses, see kehtib täiel määral ka ajakirjanduses. Kuriteosündmuse tuvastamine ja süüdlaste selgitamine on kohtu, prokuröri ja uurimisorganite kohustus. Vastavalt sellele ei ole neil õigust panna kriminaalasjas tõendamise kohustust süüdistatavale: süüdistatava süü tõendiks ei saa lugeda süütuse mittetõendamist. Kindel printsiip kehtib ka ajakirjanduses: kõik väited tuleb tõendada veenvalt. Nn. kolme punktiga lõppevad laused võivad tekitada väga vastandlikke arvamusi, need on äärmiselt kahtlase väärtusega.

Nagu öeldud, pole meie ajakirjanduses kohtureportaaži viimasel ajal viljeldud. Viimati lugesime kohtureportaaži siis, kui Tallinnas toimusid sõjakurjategijate protsessid. (Sellistes kohtuasjades peitub ajakirjanikele suuri võimalusi, ja reportaaže kirjutasidki nimekad, suurte kogemustega lehemehed, sealhulgas kirjanikud.) Küllap on asi selles, et toimetustes on intensiivistunud õiguspropaganda tulemusena üha selgemaks saanud kohtureportaaži kirjutamise raskused, keerukus ja suured võimalused eksida.

Tahaksin veel ära tähendada ühe küsitavuse prokuratuuritöötajate ja rahvakohtunike artiklites. Seda on märgata olnud mitmes meie lehes, aga ka üleliidulistes ajalehtedes. Ja nimelt: kirjutises konkreetsest raskest kuriteost tuuakse lugejale võrdlemisi palju üksikasju ja tegu kirjeldatakse küllaltki mustades värvides, lugu aga lõpetatakse ilma kohtu poolt karistuseks mõistetud aastaid märkimata. Miks? Arvan, et küllap tundus autorile artiklit lõpetades, et mõistetud aastaid on niiviisi kirjeldatud teo eest vähevõitu. Kirjutataksegi siis: kurjategija sai teenitud karistu-

se. Kuid niisuguse lõpuga ei rahulda me lugeja inimlikku uudishimu, lihtsüllogism jääb ilma õige järelduseta.

Ja veel. Ajakirjandusele on omane operatiivsus. Kuid nii mõnelgi juhul, õiguselast materjali silmas pidades, saab liigne kiirustamine komistuskiviks. Võttem ETA tõlked vene keelest. TASS-i teletabilindilt saabub näiteks mingi seadusandluse aluste tekst. See on mõeldud homsetesse lehtedesse (teksti pikkus 2 kuni 2,5 ajalehekülge). Algab tõlkimine. Töö mahukuse tõttu ei suuda aga isegi väga hästi oma eriala tundev jurist kõikidele küsimustele korrapealt vastata, kasulik konsultant olla, seda enam selgitada telefoni teel, ilma et tekst silma ees oleks, spetsiifilisi mõisteid, termineid. Nii tähtis tekst tuleb mitu ja mitu korda tervikuna läbi lugeda, seda tuleb võrrelda teiste sätetega, et saada lõpuks juriidiliselt täpne eestikeelne vaste. Selles ei tohi olla midagi, mis annaks alust kaksipidi tõlgendamisele, rääkimata otsustest vigadest. See pole lihtne töö ja sellega ei tohiks kiirustada. Ometi on meil "Nõukogude Õiguse" toimetuses paar ajalehtedes avaldatud aluste ja muude mahukate aktide teksti, milles lugesime üles ligi 200 viga ja ebatäpsust, sealhulgas valede terminite kasutamist. Tihsti aetakse segi objekt ja subjekt, vene keele spetsiifikast tingitult tekitab raskusi lausete tõlkimine, kus on eituse eitus. Praktiline töö toimetajana annab alust väita, et paljud vene keeles kasutatavad juriidilised terminid ja mõisted ei võimalda otsetõlget - tuleb tunda ka omakeelset terminoloogiat. Tüüpilised vead asjatundmatu tõlkija korral on veel "või" ja "ja" suvaline kasutamine, samuti vähese tähelepanu osutamine komadele ja semikoolonitele, mis juriidilises tekstis pole sugugi tähtsusetud. Segi aetakse ka "alam-" ja "ülemäär", ja seda mitte üksnes tõlgetes, vaid ka algtekstis. Näiteks avaldati "Õhtulehes" tõlge ajalehest "Trud". Konsultatsioon käsitles pensione. Juhtus see siis "Trudi" toimetuses või autoril, igatahes "Õhtulehte" jõudis artikkel vigaselt. Juristide vahelesegamisel parandas "Õhtuleht" vea.

Kaks eri asja on ka "lühendatud tööaeg" ja "mittetäielik tööaeg". On juhtunud sedagi, et vahetegemisega on ras-

kusi olnud liidulise seaduse kommentaatoril, samuti alamal-seisva akti väljaandjal. See ilmes 1973. a. detsembris Tallinnas toimunud tööõiguse konverentsil, kus neist probleemidest juttu oli.

Kõik ülalöeldu manitseb tähelepanelikkusele ja täpsusele. See kehtib õiguspropaganda ja üldse ajakirjanduse kohta. Me tahame, et töö oleks efektiivsem. Seepärast lõpuks mõningad, vahest ka poleemilised järeldused.

Püstitagem küsimus: kumb rubriik ajalehes oleks õigem, õiguspropagandat ja selle eesmäärke silmas pidades kasulik, kas 1) rubriik "See oleks võinud ära jääda!" või "Seda poleks juhtunud, kui..." (midagi nende pealkirjade alla mahutavat) või 2) rubriigid "Esimese hoiatuse said:", "Neid hoiatati", või nagu näiteks "Õhtulehes": "01,02,03,04" ja "Meie ning õigusnormid". Niisiis, kumba valida, kas kirjeldada lugejale kohtuotsuse põhjal sensatsiooniliselt kuritegu või jälgida näiteks kohtu erimäärusele reageerimist, millega enamasti juhitakse tähelepanu puudustele ettevõtete ja asutuste juhtimistöös. Viimati nimetatud materjali hulka kuulub ka informatsioon mitmesuguste reidide, kontrollkäikude, revideerimiste ja rahvakontrolli tegevuse tulemuste kohta.

Mulle tundub, et hülgamata ükskõik millist (ja millises žanris) õigusala materjali, kui see on hästi edasi antud, tuleb profülaktika, õiguskaitse ja õiguskasvatuse seisukohalt siiski efektiivsemaks, hoopis jõulisemaks lugeda teise n a e s i t a t u d r u b r i i g i - v a r i a n t e : "01,02...", reidide, rahvakontrolli materjalide, miilitsa ja teiste asjaomaste organite poolt trahvitute ja hoiatatute nimede avaldamist, jne. Elu on näidanud, et negatiivses valguses ajalehes trükitud nimi on tabu.

Mis puutub rubriiki "Kuritöö ja karistus", kuigi selliselt ei sõandata seda otseselt nimetada, siis on ka sellel õiguspropagandas oma kindel osa. See rubriik peab olema ja jääma juba üksnes seepärast, et informeerida rahvast sellest, mis tegelikult juhtus, ja mitte lasta levida kuulujuttudel, millel puudub tõepära.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ НАУКИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И СОВЕТСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

И. А. Р е б а н е,
доктор юридических наук, профессор,
Тартуский государственный университет

Вопрос о разграничении науки уголовного права и криминологии давно уже привлекает к себе внимание советских пристов. Оно и понятно. Без четкого разграничения науки уголовного права и криминологии невозможно решение ряда важных вопросов. Среди последних особое значение имеет определение пределов, с одной стороны, уголовноправовых, а с другой – криминологических исследований. Но и при решении некоторых других вопросов небезразлично, как проводится разграничение науки советского уголовного права и советской криминологии. Это разграничение необходимо иметь в виду, в частности, при распределении учебного материала между уголовным правом и криминологией при преподавании этих дисциплин в высших учебных заведениях, при определении структуры и задач научно-исследовательских учреждений, занимающихся теоретической разработкой проблем преступности и борьбы с ней и др.

По вопросу о разграничении науки уголовного права и криминологии в советской юридической литературе высказаны две точки зрения. Согласно одной – криминология входит в науку советского уголовного права как составная часть последней. Согласно второй точке зрения криминология является самостоятельной отраслью науки, которая, однако, затрагивает вопросы, составляющие предмет науки уголовного права. сторонники этого взгляда утверждают, что обе эти науки взаимно обогащают и дополняют друг друга.

Как известно, наиболее последовательно первой точки зрения, согласно которой криминология признается подразделом

науки уголовного права, придерживался покойный проф. Алексей Адольфович Герцензон. Он исходил из того, что криминология занимается уголовноправовыми проблемами, так как предмет криминологии — преступность, ее причины и меры ее предупреждения — входит как составная часть в предмет науки уголовного права. При этом он понимал криминологию как одну из форм, как частный случай применения конкретно-социологического метода в исследовании уголовноправовых проблем.¹ О частном случае проф. А.А. Герцензон говорил здесь потому, что конкретно-социологический метод должен применяться и при разработке других уголовноправовых проблем, при изучении всех явлений реальной общественной жизни, опосредствуемых уголовноправовыми нормами (состав преступления, покушение, соучастие и др.)², ибо, как он утверждал, развитие советской науки уголовного права происходит в сочетании юридического и социологического аспектов в едином уголовноправовом исследовании³. Было бы крайне нелогичным, писал далее проф. А.А. Герцензон, "... криминологию как частный случай применения конкретно-социологического метода в науке уголовного права "выносить" за пределы этой науки, сохраняя в ней другие случаи применения этого метода"⁴. Если же криминологию выделить в самостоятельную науку, "отдав" ей всю совокупность конкретно-социологических исследований, то уголовное право как наука, по мнению проф. А.А. Герцензона, ограничится анализом норм уголовных законов в отрыве от конкретной действительности⁵. Обе эти перспективы были для него неприемлемы. Поэтому он отстаивал отнесение криминологии в науку уголовного права в качестве подраздела последней.

Представляется, что точка зрения, высказанная проф. А.А. Герцензоном, отражает уже пережитый этап развития советской правовой науки, в частности разработки проблем социологии

¹ См. А.А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970, стр.4, 16, 52-53; е го ж е. Введение в советскую криминологию. М., 1965, стр. 22.

² См. А.А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970, стр. 16, 59-171.

³ См. там же, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ См. там же, стр. 50.

права. В настоящее время, как показано будет дальше, не вызывает каких-либо сомнений, что применение или неприменение конкретно-социологического метода вовсе не является обязательным критерием разграничения общественных наук, в том числе науки советского уголовного права и советской криминологии. Обе они могут быть призваны самостоятельными научными дисциплинами, несмотря на то, что обе они в своих исследованиях применяют этот метод.

Вторая точка зрения по данному вопросу сводится, как уже отмечалось, к тому, что наука советского уголовного права и советская криминология признаются самостоятельными научными дисциплинами. При этом, однако, во взглядах отдельных авторов, отстаивающих эту точку зрения, отмечаются существенные разногласия. Одни из них, например проф. Игорь Иванович Карпец, относят криминологию не к социологии, а к правовым наукам. Другие же, в частности проф. Митрофан Иванович Ковалев, признают криминологию частью социологии.

Проф. И.И. Карпец возражает против отнесения криминологии к науке уголовного права потому, что она (криминология) не изучает конкретных правовых норм. Она изучает преступность как социальное явление, но поскольку преступность и правовое явление, а борьба с преступностью ведется в пределах и на основе закона, то криминология, по его мнению, является все же не социологией, а правовой наукой - общетеоретической наукой о преступности среди других правовых наук.⁶

Общий ход рассуждений проф. М.И. Ковалева примерно такой же.

"Всякие правовые науки, - писал он, - чем бы они не занимались, всегда и в первую очередь изучают нормы права и их применение, т.е. нормотворческую и правоприменительную деятельность государства. Любое общественное отношение, любой факт или событие, - продолжает он, - расцениваются ими прежде всего как явления релевантные либо иррелевантные для права". Исходя из этого, он определяет и предмет уголовного права. Это - преступление как основание возникновения уголовноправового отношения. Криминология же изучает преступ-

⁶ См. И. Карпец. Пределы социологических исследований. - "Социалистическая законность", 1968, № 9, стр. 20; его же. Проблема преступности. М., 1969, стр. 5 и 75.

ность как социальное явление. И именно это, по его мнению, свидетельствует в пользу признания ее частью социологии не-смотря на то, что границы изучаемых криминологией явлений уже заранее очерчены уголовным правом. Однако по специфичности круга изучаемых явлений криминология — это "криминальная" или судебная социология.⁷

Нетрудно заметить, что, несмотря на примерно одинаковые исходные положения, выводы обоих авторов резко расходятся. Это в частности относится к вопросу о соотношении права и социологии.

Характерной чертой современного этапа развития советской правовой науки является бурный процесс ее дальнейшей социализации. При этом все более выкристаллизовывается мнение о том, что социология права не есть специальная отрасль знаний, самостоятельная юридическая наука, а представляет собой лишь аспект правоведения. Следовательно, не может быть и речи об "отпочковании" социологии права от юридических наук. Наоборот, как справедливо указывает проф. Иван Сергеевич Самощенко, следует говорить о все большей "прививке" правовой социологии ко всем отраслям юридической науки.⁸

Социологическая теория имеет иерархическую структуру, в которой можно выделить различные уровни социологического обобщения.⁹ Различные уровни имеет и правовая социология.

Общесоциологической теорией марксизма-ленинизма, как известно, является исторический материализм. Общая теория государства и права представляет собой конкретизацию исторического материализма применительно к государству и праву. Поэтому она выступает, по существу, как общая социология права. Общая социология права образует глубинную сущность, теоретическую основу теории государства и права. В то же время общая теория государства и права не исчерпывается общей социологией права. Она включает в себя социологию права

⁷ См. М.И. К о в а л е в. Советская криминология — правоведение или социология? — "Правоведение", 1970, № 6, стр. 83 и 85.

⁸ См. И.С. С а м о щ е н к о. Роль социологии права в изучении эффективности правовых норм. — Проблемы методологии и методики правоведения. М., 1974, стр. 20.

⁹ См. В.А. Я д о в. Социологическое исследование. Методика, программа, методы. М., 1972, стр. 12.

лишь как момент, сторону собственной сущности. Следовательно, социологические аспекты исследования не являются единственными в правоведении. Правоведение имеет, кроме социологической, ряд других сторон.

Как исторический материализм выступает не только в виде общесоциологической теории марксизма-ленинизма, но и в качестве научной методологии познания общественных явлений, так и общая теория государства и права приобретает (или должна приобрести) роль специально разработанной общей методологии для всех отраслей правовых наук.¹⁰ Отсюда вытекает, что общая социология права имеет как собственную теоретическую часть, без которой она не мыслима, так и сложный комплекс вопросов, относящихся к методологии и процедуре исследований.¹¹ Но поскольку общая социология права лишь аспект общей теории государства и права, нет оснований отрицать необходимости и плодотворности также других направлений и вместе с тем методов исследования в общей теории государства и права, а именно исторического, сравнительно-правового и др.

Такое понимание соотношения социологии и правоведения применимо ко всем уровням юридической науки. Любая отрасль правоведения имеет социологические аспекты как в смысле теоретической части, так и в виде специальных методик и процедур исследования. Это полностью относится и к науке советского уголовного права. Как другие отрасли правоведения, так и наука уголовного права включает в себя социологическую сторону, и нет каких-либо оснований говорить об обособленной от науки уголовного права социологии уголовного права. Это лишь сторона науки уголовного права, которая представляет собой единство теоретической части и методологии, а также конкретных методик и процедур познания уголовноправовых явлений. В деле эмпирической интерпретации уголовноправовых понятий и разработки операциональных определений она, безусловно, будет иметь оригинальный характер. Все это свидетельствует о том, что социология права имеет различные уровни не

---

¹⁰ См. П. А. Р а ч к о в. О структуре марксистской социологической теории. М., 1970, стр. 22-23.

¹¹ См. В. П. К а з и м и р ч у к. Социологические проблемы действия права в социалистическом обществе. - Право и социология. М., 1973, стр. 43.

только в своей теоретической части, но и как методология познания правовых явлений.

Подобно общей теории права и наука уголовного права не исчерпывается социологическими моментами. Ее содержание более богато и имеет также другие направления и методы исследования, о которых уже было сказано применительно к общей теории государства и права.

К проблематике социологии права принято относить: во-первых, социальную обусловленность права, то есть вопрос о том, как и почему возникают нормы права, чем определяются объективные законы их развития; во-вторых, вопрос о социальном механизме действия права; в-третьих, социологию эффективности правового регулирования. Применительно к науке уголовного права эта проблематика подлежит дальнейшей конкретизации и детализации.

В Вильнюсе по материалам научной конференции в 1970 г. издан сборник "Проблемы социологии права. Выпуск I", проф. Нинель Федоровна Кузнецова отнесла к конкретной проблематике в области социологии уголовного права следующие вопросы: 1) социологию правосознания в области уголовного права; 2) социологию уголовного закона; 3) социологию институтов общей части уголовного права; 4) социологию виктимологии; 5) проблемы эффективности наказания; 6) социальное назначение и следствия применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания; 7) уголовноправовое прогнозирование; 8) социологические проблемы применения Особенной части уголовного законодательства. Она указала, что по этой проблематике уголовное право отличается от криминологии. С этим следует согласиться. Но вместе с тем проф. Н.Ф. Кузнецова предупредила: "Поскольку криминология также является в определенном аспекте социологической наукой, существует теснейшая связь, наличие многих "стыков" между социологией уголовного права и криминологией."¹²

¹² См., например, Г.А. Злобин и С.А. Шлыков. Социология права как аспект правоведения. - "Светское государство и право", 1974, № 9, стр. 109.

¹³ См. Н.Ф. Кузнецова. Социологические проблемы уголовного права. - Проблемы социологии права. Выпуск I. Вильнюс, 1970, стр. 121.

Здесь мы и подходим к вопросу о критериях разграничения науки уголовного права и криминологии.

При разграничении отраслей науки обычно пользуются двумя критериями: предметом исследования и методом исследования. Если в данном случае метод исследования исключается - и криминология и наука уголовного права прибегают к социологическим методам познания действительности, - то критерием разграничения обеих должен служить, вероятно, предмет исследования.

Совершенно очевидно, что наука уголовного права имеет своим предметом ряд явлений, не представляющих непосредственного интереса для криминологии - нормы и институты уголовного права, изучаемые в нормативном и социологическом планах. Имеется и область явлений, изучаемых криминологией, но не представляющих непосредственного интереса для науки уголовного права, например, отклоняющееся или предкриминальное поведение, деятельность по раннему предупреждению общественно опасных деяний и др. В то же время имеется смежная область явлений, изучаемых как криминологией, так и наукой уголовного права. В эту область входят преступность и отдельные преступления как явления реальной действительности, а также живая личность преступника.

Утверждение о том, что изучение преступности и преступления как явлений реальной действительности, и преступника как живой личности, является прерогативой криминологией, между тем как наука уголовного права занимается исследованием преступности и преступления только как юридических понятий, а преступника как субъекта преступления, тоже только как юридического понятия, совершенно несостоятельно и по сути дела сводится к возрождению юриспруденции понятий. Наука уголовного права, не отказываясь от нормативного анализа уголовноправовых институтов и категорий, в то же время имеет дело и с реальной действительностью.

Исследование преступности как явления реальной действительности, ее динамики, состояния и структуры имеет для науки уголовного права огромное значение хотя бы потому, что иначе невозможно было бы установить эффективность действующих уголовных законов в борьбе с преступностью, выработать правильную линию карательной политики, а также обоснованные

предложения de lege ferenda . Сказанное полностью относится и к отдельным видам преступлений. Вместе с тем не подлежит сомнению, что без изучения личности преступника невозможно определить, какие уголовноправовые меры наиболее эффективны в конкретном случае и в отношении различных категорий преступников.

Значит ли это, что преступность, преступление и личность преступника не входят в предмет криминологии? Отнюдь нет. Ведь иначе было бы невозможно установить причины преступности, а также обстоятельства, способствующие совершению преступлений.

Таким образом, предмет науки уголовного права и криминологии частично совпадает и не может служить единственным критерием их разграничения.

Может быть выход из создавшегося положения будет найден, если различать объект и предмет исследования. Оставляя в стороне значение этого различия как теоретико-познавательного принципа и роль его в методологии системного исследования¹⁴, отметим лишь, что в социологических исследованиях помимо объекта повседневно выделяется также предмет исследования. Объектом исследования может быть или социальный процесс, или область социальной действительности, или какие-то общественные отношения, содержащие в себе социальное противоречие и порождающие проблемную ситуацию. Под предметом же изучения понимают те наиболее значимые с практической или теоретической точки зрения свойства, стороны, особенности объекта, которые подлежат непосредственному изучению. Это -

¹⁴ В.Н. Садовский писал: "Всякая вещь, процесс, всякая сторона, всякое отношение между явлениями - одним словом, все то, что познается, представляет собой объект исследования, поскольку оно еще не познано и противостоит знанию. Те же самые вещи, явления, процессы, их стороны и отношения, поскольку они уже известны, зафиксированы с определенной стороны в той или иной форме знания, "даны" в ней, но подлежат дальнейшему исследованию, являются предметами". И далее: "Предмет не является порождением сознания отдельного индивиду или даже группы людей. Предмет обусловлен объектом и является зафиксированной в определенной форме его стороной. В таком объективном и вневременном виде он противостоит человеку и его знаниям. Но предмет и объект принадлежат к разным сферам реальности". В.Н. Садовский А. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы. - Социология в СССР. Том. 1. М., 1966. стр. 181-182.

совокупность обстоятельств, которые представляют полуса социального противоречия¹⁵.

При таком подходе к проблеме можно было бы преступность и преступление как явления реальной действительности, а также живую личность преступника признать общим объектом как криминологии, так и науки советского уголовного права. Вместе с тем нельзя не заметить, что каждая из этих наук исследует проявления преступности с различных точек зрения. Действительно, проблемная ситуация, то есть потребность в изучении преступных проявлений с тем, чтобы активно содействовать решению социальных противоречий, находящих свое выражение в существовании в нашем обществе преступности, для каждой из этих наук различная. Следовательно, несмотря на одинаковый объект, при дальнейшей разработке проблемы может быть обнаружено несовпадение их предмета.

В этом плане интересующая нас проблема еще не разработана и поспешные выводы недопустимы. Различная направленность криминологических и уголовноправовых исследований тем не менее очевидна, хотя наука уголовного права и криминология в своих исследованиях, как правило, пользуются одинаковыми исходными эмпирическими данными о динамике, состоянии и структуре преступности, об отдельных видах преступлений и о личности преступника.

Пока еще не разработаны для уголовноправовых и криминологических исследований различные по содержанию программы эмпирического исследования преступности, ее динамики, состояния и структуры, отдельных преступлений как явлений реальной действительности, а также живой личности преступника. Но в принципе такие различные программы вполне возможны. При разработке их следует исходить именно из различной направленности и цели, с одной стороны, уголовноправовых, а с другой — криминологических исследований.

Наука советского уголовного права обслуживает советское уголовное право. Задачей уголовного права является борьба с преступностью путем установления персональной, предусмотрен-

¹⁵ См. В.А. Я д о в. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М., 1972, стр. 49.

ной уголовным законом ответственности за общественно опасные деяния. Именно в этой ответственности советское уголовное право усматривает средство предупреждения преступлений. Наука советского уголовного права содействует борьбе с преступностью путем теоретической разработки вопросов борьбы с преступностью. При этом и наука уголовного права исходит из персональной, индивидуальной ответственности как средства борьбы с преступностью. Поэтому в науке советского уголовного права центральное значение имеет теоретическая разработка вопросов уголовной ответственности за преступное поведение.

Советская криминология имеет своей задачей также содействие борьбе с преступностью. Однако она к вопросам борьбы с преступностью подходит иначе. Изучая преступность и ее этиологию, она ставит целью разработку такой комплексной системы государственных и общественных мер предупреждения преступности, в которую входят меры экономические, социально-культурные, организационные и другие, в том числе и меры правовые, последние, однако, лишь постольку, поскольку они не стоят в персональной, индивидуальной ответственности.

На данном этапе развития советской правовой науки этот критерий — цель исследования, определяемая спецификой различных средств борьбы с преступностью, — может, по нашему мнению, служить одним из существенных критериев разграничения науки советского уголовного права и криминологии. В дальнейшем, по мере более глубокой разработки проблемы, по-видимому, можно будет более четко дифференцировать также предмет, с одной стороны, уголовноправовых, а с другой — криминологических исследований.

С учетом всего изложенного следует советскую криминологию отнести к социологии, в отличие от науки советского уголовного права, являющейся юридической наукой.

Этот вывод подтверждается рядом соображений. В теоретическом плане исходным является положение о том, что преступность — явление социальное и как таковое порождено причинами социальными, определенными социальными процессами, протекающими в нашей стране. При этом иногда сами по себе положительно оцениваемые социальные процессы порой сопровождаются некоторыми отрицательными побочными явлениями, которые тоже имеют социальную природу, но порождают те или иные конфликт-

ные ситуации и тем самым способствует сохранению преступности. В плане борьбы с преступностью задача состоит в том, чтобы исследовать развитие социальных процессов, выяснить криминогенные факторы, сопровождающие эти процессы, и найти средства для их устранения или хотя бы для нейтрализации их отрицательного действия, а тем более для предотвращения появления криминогенных факторов вообще. Возможность разрешения этой задачи уже не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует практика социального планирования¹⁶. Но изучение преступности и ее причин в призма социальных процессов, а тем более планирование социального развития — это в первую очередь не проблема правовая, а социологическая.

Мы полагаем также, что криминологическое исследование личности относится к социологии, а не правоведению. При таком изучении на первый план выдвигается структура криминогенной личности и процесс ее формирования, который происходит под воздействием более общих социальных процессов. Такое исследование имеет своей целью разработку криминологических мер профилактики. Таким же образом может быть исследована и личность преступника. И это исследование также следует отнести к социологии, хотя, разумеется, личность преступника может быть в социологическом плане исследована и наукой уголовного права. В этом случае, однако, цель и предмет исследования иные. Наука уголовного права изучает личность преступника как объект карательного воздействия и как субъект преступления.

Само собой разумеется, что криминологические и уголовно-правовые исследования тесно между собой связаны и дополняют друг друга. Сотрудничество обеих наук вызывается необходимостью комплексной разработки проблем преступности и целесообразностью в ряде случаев совместного сбора первичных данных. Это тем более необходимо, что порой уголовно-правовые и криминологические исследования пользуются одинаковыми исходными данными, в частности данными уголовной статистики. В связи с этим и возникает вопрос об организационных формах этого сотрудничества. Эти формы различны.

---

¹⁶ См. В.Ю. Раудсалу, И.А. Ребане, И.Я. Сильдмяэ. О создании автоматизированной системы юридической информации. — "Советское государство и право", 1974, № 5, стр. 31-32.

Во-первых, возможно проведение криминологами и представителями науки уголовного права комплексных исследований по единой программе. Во-вторых, не исключено кооперирование представителей обеих наук на стадии сбора первичных, эмпирических данных о преступности путем расширения рамок программы исследования, причем полученная информация разрабатывается самостоятельно представителями каждой из этих наук в части, представляющей интерес для данной отрасли науки. Такая форма сотрудничества возможна, например, между членами одной или нескольких кафедр высшего учебного заведения. В-третьих, было бы желательным создание единой системы информационной обеспеченности сбором, поиском и обработкой по возможности всеобъемлющих унифицированных первичных данных о преступности. Такая система должна обслуживать как органы юстиции, так и научные дисциплины, разрабатывающие проблемы преступности¹⁷.

Формы сотрудничества представителей различных отраслей науки при разработке проблем преступности нельзя свести к разграничению этих наук. Здесь возникает другой вопрос. При далеко зашедшей дифференциации наук, разрабатывающих проблемы преступности, все более неотложной становится задача их интеграции, а, в первую очередь, выработки общего учения или общей теории преступности. Ведущее место при этом, по нашему мнению, принадлежит науке уголовного права. Во-первых, ряд отраслей науки, например, криминология и наука исправительно-трудового права, развивались в лоне науки уголовного права и лишь потом отделились от нее. Во-вторых, уголовное право преподается в высших учебных заведениях раньше других дисциплин, имеющих своим предметом те или иные стороны преступности. В-третьих, определение самого понятия преступления дано в уголовном праве, а следовательно, и понятие преступности основывается на нормах уголовного права.

Интеграция на уровне науки уголовного права наук, занимающихся проблемами преступности, вовсе не означает признания общей теории преступности самостоятельной научной дисциплиной, во всяком случае на современном этапе развития со-

---

¹⁷См. В.Ю. Раудсалу, И.А. Ребане, И.Я. Сильдмяэ. О создании автоматизированной системы юридической информации. - "Советское государство и право", 1974, № 5, стр. 32-36.

ветского правопедения. Но вполне возможно и, по нашему мнению, целесообразно говорить о разных уголовных или криминальных науках. К этим наукам следует отнести: науку советского уголовного права, науку исправительно-трудового права, криминологию, криминальную или судебную психологию, уголовную или судебную статистику, науку советского уголовного процесса, криминалистику, судебную психиатрию, судебную медицину, а отчасти также прокурорский надзор и новый учебный курс - "Суд и правосудие".

KURITEGEVUSE UURIMISE METOODIKAST
EESTI NSV PROKURATUURIORGANEIS

M. E i s l e r ,
Eesti NSV prokurööri abi, TRÜ aspirant

Efektiivseks võitluseks kuritegevuse vastu ning uute kuritegude ärahoidmiseks on vaja selgitada ning tundma õppida meie ühiskonnas veel eksisteerivaid kuritegevuse põhjusi, et seejärel rakendada teaduslikult põhjendatud abinõusid nende likvideerimiseks.

Nõukogude kriminoloogia eristab üksikkuriteo põhjusi ning kuritegevuse kui massilise sotsiaalse nähtuse põhjusi.¹ Nende mõistete sisu vastab üksiku ja üldise filosoofilistele kategooriatele.

Kuritegevuse kui sotsiaalse nähtuse põhjused on ühtlasi ka iga üksikkuriteo põhjused. Kuid need põhjused avalduvad üksikkuriteo toimepanemisel kordumatus individuaalsuses ja konkreetsuses. Üksikkuritegude toimepanemisel võib esineda ka põhjusi, mis kuritegevusele kui massilisele sotsiaalsele nähtusele ei olegi iseloomulikud.² Seetõttu on üksikkuritegude põhjuste selgitamisel ning nende iseärasuste arvestamisel mitte üksnes teaduslik, vaid ka suur praktiline tähtsus. Kuritegevusvastase võitluse teaduslikult põhjendatud planeerimine ja organiseerimine konkreetses linnas või rajoonis eeldab seal esinevate üksikkuritegude põhjuste, neid soodustavate asjaolude, aga samuti ka kuritegevust mõjustavate muude tegurite (kuritegude õigeaegne avas-

---

¹ Vt. Криминалогия. М., 1968, стр. 101.

² Vt. I. R e b a n e. Kas on minevikuigandid kuritegevuse ainsaks põhjuseks NSV Liidus? - TRÜ Toimetised. Vihik 257. Kriminoloogia-alaseid töid II. Tartu, 1970, lk. 26.

tamine ja karistuse vääraratus, karistuspraktika õigus, parandus- ja kasvatusasutuste töö efektiivsus, õiguspropaganda olukord jms.) regulaarset ja põhjalikku analüüsimist ning üldistamist.

Kirjanduses on avaldatud erinevaid seisukohti selle kohta, millistel organitel peaks lasuma linnas või rajoonis kuritegevusvastase võitluse organiseerimise ja koordineerimise, järelikult ka õiguskorra olukorra analüüsimise kohustus. Mõned autorid peavad seda kohalike tööraha saadikute nõukogude ülesandeks.³ Mitmete liiduvabariikide, kraide ja oblastite linnades ja rajoonides on moodustatud spetsiaalsed nõukogud kuritegevuse põhjuste ja seda soodustavate asjaolude tundmaõppimiseks ning kuritegude ärahoidmise vahendite väljatöötamiseks. Valdav enamik autoreid peab aga kuritegevusvastase võitluse organiseerimist ning administratiivorganite - prokuratuuri-, siseasjade ning kohtuorganite - sellekohase töö koordineerimist prokuratuuri otseks ülesandeks.⁴ Seda teed on läinud ka Eesti NSV praktika.

Prokuratuuriorganite juhtiv osa kuritegevusvastase võitluse organiseerimisel tuleneb nende töö spetsiifikast ja meetoditest. Teostades kõrgeimat järelevalvet seaduste täpse täitmise üle kõigi riigiorganite, ühiskondlike organisatsioonide, ametiisikute ja kodanike poolt, puutuvad prokuratuuriorganid vahetult kokku nii kuritegevuse kui ka kõigi sellega seonduvate teguritega. Seaduserikkumiste väljaselgitamisel tuvastavad prokuratuuritöötajad ühtlasi ka nende põhjusi ja soodustavaid asjaolusid. Nii kontsentreerub prokuratuuriorganitesse suhteliselt täielik informatsi-

---

³ Vt. В.С. Основин, К.Ф. Шеремет, В.С. Мартеньянов, А.К. Конев. Местные советы и законность. М., 1970, стр. 46-48.

⁴ Vt. näiteks В.К. Звирбуль. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. (Научные основы.) М., 1971, стр. 153 и сл.; А.Д. Берензон. Криминологический аспект в прокурорской деятельности. - Вопросы прокурорского надзора. Сборник научных трудов. М., 1972, стр. 5-18.

oon linnas või rajoonis valitsevast õiguskorra seisundist. Vastavalt "NSV Liidu prokurörijärelevaalse põhimääruse" §-le 11 on prokuröriil oma kompetentsi piires alati õigus nõuda kõigilt riiklike ja ühiskondlike organisatsioonide juhtidelt ja ametiisikutelt täiendavaid õiguskorra seisundit iseloomustavaid andmeid. Seetõttu ongi prokuratuuriorganitel teiste õiguskaitseorganitega võrreldes suuremad võimalused kõigi kuritegevuse ja selle profülaktikaga seonduvate küsimuste kompleksseks uurimiseks ning oma tegevuse kõikehõlmava iseloomu tõttu ka väljatõttatud abinõude efektiivseks ellurakendamiseks.

On vaid vaja, et need võimalused ei jääks kasutamata ning prokurörid kuritegevusvastase võitluse organisaatoreina rajaksid oma töö teaduslikele alustele, kasutaksid nende käsutuses oleva rikkaliku materjali analüüsimisel teaduslikult põhjendatud meetodeid. Kuid kahjuks seda alati ei tehta.

NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 30. juuli 1970. a. määruses "Kohtu- ja prokuratuuriorganite töö parendamise abinõudest" juhiti tähelepanu sellele, et paljud prokurörid ei analüüsi kuritegevuse olukorda rajoonides, linnades, oblastites ja vabariikides, ning kriipsutati alla selliste analüüside tähtsust prokuratuuri töö efektiivsuse tõstmisel. Hiljuti üleliidulises ulatuses läbi viidud pisteline kontrollimine näitas, et ainult vähesed prokurörid kasutavad õiguskorra seisundi analüüsimisel ja kuritegevusvastases profülaktikas nõukogude kriminoloogiateaduse poolt väljatõttatud meetodeid ja soovitusi.⁵

Mõningaid sellesuunalisi katseid on viimastel aastatel tehtud Eesti NSV prokuratuuriorganis. Esimeseks probleemiks, mis seejuures tuli lahendada, oli vajaliku informatsiooni kogumine.

Õiguskorra seisundit iseloomustava informatsiooni kogumine, süstematiseerimine ja säilitamine on kuritegevuse

---

⁵ Vt. Н. Косо плечев, Э. Кузнецова, Е. Сидоренко. Научные рекомендации по криминологии районным и городским прокурорам. - "Социалистическая законность", 1973, № II, стр. 65-67.

uurimise üheks olulisemaks etapiks, kuna sellest sõltuvad nii hilisemad järeldused kui ka nende põhjendatus. Olulisel hulgal võib õiguskorda iseloomustavat informatsiooni saada prokuratuuri-, kohtu- ja siseasjade organite statistilistest aruannetest, kuid paratamatult ei sisalda need kõiki sügavamaks analüüsiks vajalikke andmeid õiguserikkumiste põhjuste, neid soodustanud asjaolude ja mõjustavate tegurite, aga samuti õiguserikkujate isiksuse kohta. Ametlike statistiliste aruannete põhjal pole võimalik analüüsida õiguskorra seisundit linna või rajooni alljaotustes: majavalitsuste ja külanõukogude piirkondades, üksikutes ettevõtetes jne. Analüüsijate kitsam piiritlemine, õiguskorra tundmaõppimine konkreetsetel objektidel on aga kuritegevusvastase võitluse sihipärasuse ning konkreetsuse huvides hädavajalik.

Kõik nimetatud andmed peaksid leiduma ning tavaliselt ka on olemas konkreetsetes kriminaaltoimikutes ning administratiivõiguse rikkumiste kohta kogutud materjalides. Ülesanne seisneb vaid selles, kuidas vajalikke andmeid hõlpsamini selekteerida ebaolulisest informatsioonimassist ning kontsentreeritud kujul teha prokuröriile iga hetk kättesaadavaks.

Sel eesmärgil on soovitatud ning praktiseeritud vajaliku informatsiooni kandmist spetsiaalsetele küsimustikele, mida täidavad uurija ning kohtunik.⁶ Vajaliku informatsiooni koondamise aspektist on nende kasutegur ilmne, kuid samal ajal on küsimustike käsitsi läbitöötamine ning neile kantud andmete üldistamine küllaltki aeganõudev ning töömahukas ülesanne. Sel põhjusel on raskendatud ka küsimustikele talletatud informatsiooni operatiivne kasutamine näiteks loengute ja ettekannete ettevalmistamisel jne.

Eeltoodud kaalutlustel valiti Eesti NSV Prokuratuuris informatsiooni säilitamise vahendiks perfokaardid, mille tehniline töötlemine on küsimustikega võrreldes märksa kiirem ja lihtsam. Praktikasse rakendati perfokaardid kõigis

---

⁶ Vt. Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений. Под ред. А.А.Герцензона. М., 1962, стр. 27, 59 и сл.

vabariigi linnade ja rajoonide prokuratuurides alates 1972. a. 1. jaanuarist.⁷

Perfokaartidele kodeeritava informatsiooni iseloomu valikul peeti silmas kahte põhieesmärki: esiteks hõlbustada linna- ja rajooniprokuröridel selliste õiguskorra ning prokurörijärelevalve seisundit iseloomustavate andmete kogumist, säilitamist ja analüüsimist, mis ei sisaldu riiklikes statistilistes aruannetes, ning teiseks kasutada perfokaarte algarvestuse dokumentidena prokuratuuri statistiliste aruannete koostamisel (kriminaalasjade registreerimise, vahi alla võtmiste jt. žurnaalide asemel).

Kasutusel on kahte liiki perfokaardid. Kurjategija arvestuskaart sisaldab andmeid kurjategija isiku (nimi, vanus, haridus, parteilisus, perekonnaseis, sotsiaalne seisund, varasem karistus jms.), tema isikusega seotud kuritegevust mõjustavate tegurite (jõobnud olek, alkoholi hankimise viis ja tarvitamise koht, administratiivjärelevalve all olek, kuriteo toimepanemine isikute grupis jms.), kurjategija töö- ning elukoha, temale antud iseloomustuste ja tema suhtes varem kohaldatud mõjutamisabinõude, valitud tõkendi, samuti ka toimepandud kuriteo ning kohaldatud karistuse või muude mõjutamisvahendite kohta. Perfokaart täidetakse iga prokuratuuri statistilises aruandluses kurjategijana arvele võetud isiku kohta.

Tinglikult kriminaalasja arvestuskaardiks nimetatud perfokaart sisaldab andmeid kuritegu uurinud organi, kriminaalasja liigi, uurimistähtaegade ja uurimise kvaliteedi, uurimisorgani poolt rakendatud profülaktiliste abinõude, üldsuse osavõtu, kohtuliku uurimise kvaliteedi ning prokurörijärelevalve kohta nii eel- kui ka kohtuliku uurimise staadiumis. Kaardile on võimalik kodeerida andmeid, mis iseloomustavad toimepandud kuritegu: kvalifikatsioon, toimepanemise administratiivne ja konkreetne koht, grupilise kuriteo puhul grupi iseloom (organiseeritud või juhuslik, alaealiste või varem karistatud isikute osavõtul) ja koosseis, materiaalse kahju suurus

---

⁷ Viljandi rajooni ning Tartu linna prokuratuurides olid perfokaardid kasutusel juba alates 1969. aastast.

ja selle hüvitamise olukord jms. Nimetatud perfokaart täidetakse kõigi menetluses olnud kriminaalasjade ja huligaansuse protokollide ning nende materjalide kohta, milles kriminaalasja algatamisest on keeldunud seoses kurjategija suhte ühiskondliku mõjutamise vahendite kohaldamisega (nn. kuriteokoosseisuga materjalid).

Perfokaartide nagu igasuguste muudegi statistiliste kaartide kasutamisel vabariigi raames on kaks võimalust: nende tsentraliseeritud koondamine ja töötlemine keskuses (sellisel viisil kasutatakse ja töödeldakse statistilisi arvestuskaarte näiteks siseasjade organeis) või kasutamine kohapeal kaarte täitnud organi enda poolt. Eesti NSV prokuratuuriorganeis on perfokaartide kasutamine rajatud viimasele põhimõttele. Õiguskorra igakülgne, põhjalik analüüs tuleb läbi viia eeskätt linna- ja rajooniprokuratuurides, kus kõige paremini on teada antud linnas või rajoonis kuritegevust põhjustavad ja soodustavad faktorid, ning seetõttu peab linna- ja rajooniprokuröride käsutuses olema ka analüüsiks vajalik algmaterjal. Samal ajal ei ole aga välistatud perfokaartide ajutine väljanõudmine vabariigi prokuratuuri üksikutes konkreetsetes küsimustes andmete üldistamiseks vabariigi mastaabis. Seda võimalust ongi Eesti NSV Prokuratuuris korduvalt kasutatud (parasiitliku eluviisiga isikute poolt toimepandud kuritegude, õigusemõistmisest üldsuse osavõtu, NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 1970. a. 12. juuni seadluse kohaldamise praktika jt. küsimustes andmete üldistamisel).

Enam kui kaheaastase kasutamispädevuse kogemustele tuginedes võib meie arvates kinnitada, et analüüsivahendina on perfokaardid end täielikult õigustanud. Seda on positiivse praktikana tunnustatud ka NSV Liidu Prokuratuuris.⁸

Eesti NSV Prokuratuuri poolt väljatöötatud perfokaardid on esimesi katseid rakendada vabariigi prokuratuuritöötajate igapäevases praktikas mõningaid teaduslikke võtteid kuritegude põhjuste uurimiseks. Kuna puudusid eelnevad sellekohased kogemused, ei ole nimetatud perfokaardid vabad puudustest.

---

⁸ В. П. Кудрявцев. Опыт борьбы с преступностью в Эстонии. - "Социалистическая законность", 1973, № 7, стр. 8.

Peamise puudusena tuleb meie arvates nimetada krimino-
loogilise informatsiooni suhtelist nappust. Kodeeritud ku-
jul ei ole võimalik kaartidele kanda selliseid kriminolo-
gilisest aspektist olulisi faktoreid nagu kurjategija kaju-
nemist mõjustanud tegurid, tema olme- ja töötingimused, mik-
rokeskkond jpm. Samuti ei sisalda perfokaardid informatsi-
ooni kõigi toimepandud kuritegude, vaid ainult nende kohta,
mille järgi kurjategija võetakse arvele prokuratuuri sta-
tistilises aruandluses (kuritegude kogumist raskeim kurite-
gu). On ilmne, et ühe ja sellesama kurjategija poolt erine-
vate kuriteoepisoodide toimepanekut võivad iseloomustada
vägagi erinevad asjaolud, mis aga praeguses perfokaartsüs-
teemis kajastamist ei leia.

Eeltoodud puudused tulenevad käibel olevatele perfo-
kaartidele üheaegselt kahesuguse - kriminoloogilise ja sta-
tistilis-aruandelise - eesmärgi püstitamisesest, samuti nende
piiratud mahust. Tulevikus peaksid need puudused olema kõr-
valdatavad.

Käesoleval ajal on vabariigis loomisel juriidilise in-
formatsiooni automatiseeritud otsimissüsteem "Jurips".⁹
Meie arvates on mõeldav selle kasutamine ka vabariiklike
õiguskaitseorganite kriminaalstatistiliste aruannete koos-
tamisel koos järgneva põhiliste andmete väljastamisega lin-
na- ja rajooniorganitele.¹⁰ Statistiliste andmete sisuline
analüüsimine kohapeal peaks tulevikuski toimuma perfokaar-
tide abil, mis aga enam ei dubleeri "Juripsis" sisalduvaid
statistilisi andmeid, vaid on põhjaliku sõnalis-kirjeldava
kriminoloogilise informatsiooni kandjateks. Sellised perfo-
kaardid ei oleks üksnes abivahendiks õiguskorra analüüsimi-
sel prokuratuuriorganeis. Neile talletatud informatsioon
peaks aastate vältel kujunema teatud väärtuseks ka krimino-
loogilistel uuringutel nii üksikutes linnades ja rajoonides
kui ka vabariigis tervikuna.

⁹ Selle kohta vt. В. Раудсалу, И. Ребане, И. Сильдмяэ. О создании автоматизированной системы юридической информации. - "Советское государство и право", 1974, № 5, стр. 28-36.

¹⁰ Näid kogemusi elektronarvutustehnika kasutamisel sta-
tistiliste aruannete koostamiseks on Eesti NSV Siseministeeriumi informatsioonikeskusel.

Õiguskorra analüüsimine prokuratuuriorganeis ei ole lihekordne ülesanne, vaid pidev protsess.¹¹ See koosneb prokuröri igapäevasest tööst kriminoloogilise informatsiooni kogumisel (sealhulgas ka perfokaartide abil); tööplaanides ettenähtud üksikute kuriteoliikide põhjuste tundmaõppimisest; konkreetsetel objektidel (asutustes, ettevõtetes ja organisatsioonides) toimepandud või nende töötajate poolt toimepandud kuritegusid soodustanud asjaolude analüüsist; prokurörijärelevalve üksikute lõikude üldistamisest; rajoonis kuritegevuse levikut soodustavate üldiste tingimuste (alkoholism, parasitlus vms.) analüüsist jne.

Kord aastas tuleb prokuröril teha kuritegevusvastase võitluse tulemustest kokkuvõtte, milleks kasutatakse kõiki aasta vältel kogutud materjale. Väljakujunenud praktika kohaselt analüüsivad Eesti NSV linnade ja rajoonide prokurörid lühidalt kuritegevuse, seda vahetult mõjustavate tegurite ja uurimistöö olukorda ka esimese poolaasta lõppedes, vabariigi prokuratuur aga igas kvartalis.

Erinevate aastate ja ka erinevate linnade ja rajoonide õiguskorra analüüsise omavahelise võrreldavuse tagamiseks peaksid kõik analüüsivad lähtuma samadest põhiprintsiipidest ning sisaldama obligatoorselt rea tähtsamaid, ühest ja samast allikast pärinevaid statistilisi andmeid (kuritegevuse olukorda iseloomustavad üldandmed; rasked ja enam levinud kuriteoliigid; kurjategijate isiksust iseloomustavad andmed; enam levinud administratiivüleastumised; parasitlust, hulkurlust, kuriteo retsidiivi, alkoholismi iseloomustavad andmed, jms.). Sel eesmärgil koostas Eesti NSV Prokuratuur 1971. a. linnas (rajoonis) õiguskorra ja prokurörijärelevalve seisundi analüüsimise meetodilise juhendi, mida on soovitatud aastaanalüüsise koostamisel silmas pidada kõigi linnade ja rajoonide prokuröridel.

Viimastel aastatel ongi enamik Eesti NSV linnade ja rajoonide prokuröre hakanud õiguskorda märksa sügavamalt analüüsima, kasutades seejuures edukalt kriminoloogilisi võtteid ja uurimismeetodeid. Prokurörid ei piirdu üksnes

---

¹¹ vt. Работа районного прокурора по борьбе с преступностью. Под общ. ред. А.С.Панкратова. М., 1965, стр. 58-59.

oma statistilistes aruannetes toodud andmetega, vaid kasutavad õiguskorra seisundi tundmaõppimiseks ning kuritegude põhjuste ja neid soodustavate asjaolude väljaselgitamiseks ka teistelt ametkondadelt (statistika- ja siseasjade organest, mitmesugustest inspektsioonidest, asutustest ja ettevõtetest) laekuvaid andmeid, perfokaarte jms. Õiguserikkumisi iseloomustavad andmed koondatakse vastavatesse tabelitesse, neid analüüsitakse vastastikusisest sisulises seoses, kasutatakse mitmesuguseid koefitsiente ja teisi suhtnäitajaid. Õiguserikkumiste arvu dünaamikat analüüsitakse pikema ajavahemiku ulatuses nii linnas (rajoonis) tervikuna kui ka üksikutel objektidel, külanõukogudes, rajoonilise alluvusega linnades ja alevites. Kõik see on kaasa aidanud analüüside objektiivsuse, järelduste põhjendatuse ja sihivastuse suurenemisele. Sisutiheduse ning samal ajal põhjalikkuse poolest võib eriti esile tõsta Viljandi, Paide, Pärnu, Haapsalu ja veel mitme teise linna ja rajooni prokuröri poolt viimastel aastatel teostatud õiguskorra analüüse.

Paide rajooni prokuröri 1972. aasta õiguskorra analüüsis on toodud tabelleina 20 rajoonis enam levinud kuriteoliigi dünaamika viimase 6 aasta vältel. Kuriteod on grupeeritud ründe objekti järgi koos vastavasse gruppi kuuluvate kuritegude üldarvu väljatoomisega: isikuvastased, riigi ja ühiskonna vara vastased, kodanike isikliku vara vastased, huligaansus, transpordialased ja parasitliku eluviisiga seonduvad kuriteod. Neist põhjalikumalt analüüsib prokurör riigi ja ühiskonna vara riisumisi ning transpordialaseid kuritegusid, mille arv rajoonis 1972. a. märgatavalt kasvas.

Riigi ja ühiskonna vara riisumiste analüüsimisel pöörab prokurör tähelepanu ka tekitatud materiaalse kahju ulatusele ning näitab asutused ja ettevõtted, kus kõige enam on riisumisi toime pandud. Analüüsinud konkreetseid kriminaalasju, järeldab prokurör, et seda liiki kuritegusid soodustas varem karistatud isikute materiaalselt vastutavatele ametikohtadele töölevõtmine, kaupluste ja kioskite mittenõuete kohane kindlustatus, puudused kaadri valikul ja kasvatamisel jne.

Transpordialaste kuritegude analüüsimisel toob prokurör eelandmetena rajoonis kolmel viimasel aastal toimunud

liiklusavariide arvu, nende läbi tekkinud kahju (surma ja vigastada saanud inimeste arv, materiaalne kahju) ja alkoholi pruukimise tagajärjel toimunud avariide arvu. Analüüsidest liiklusalastes kuritegudes süüdi olnud isikute kontingenti, sedastab prokurör, et 32,1 % selleliigilistest kuritegudest on toime pandud rajoonist läbisõitvate liiklusvahendite juhtide poolt. Transpordialaste kuritegude suurt osakaalu mõjustab rajooni geograafiline asend. Analüüsidest alkoholi joober toimepandud liiklusalaseid kuritegusid, on prokurör välja toonud kurjategijate töökohad ning asjaolud, mis soodustasid kuritegude toimepanekut: joober olekus tööülesannete täitmisele lubamine, juhtivate töötajate osavõtul toimunud joomingud, nõrk kasvatustöö mitmes kollektiivis jne.

Haapsalu rajooni prokurör analüüsib grupeeritult omavahel kriminoloogilises mõttes tihedalt seotud nähtusi: kriminaalkorras karistatavaid huligaansusi, pisihuligaansusi ning avalikes kohtades joober olekus isikute kinnipidamisi; kriminaalkorras karistatavaid liiklusavariisid, administratiivkorras karistatavaid liikluseeskirjade rikkumisi, sealhulgas transpordivahendi joober olekus juhtimise eest karistatud isikute arvu, ning isikute arvu, keda on liikluseeskirjade rikkumise eest korduvalt karistatud; kriminaalkorras karistatavaid riigi ja ühiskonna vara riisumisi ning pisiriisumisi. Analüüsidest kriminaalkorras karistatavate huligaansuste ja pisihuligaansuste vähenemise (vastavalt 60 % ja 17,7 % võrra) põhjusi, teeb prokurör põhjendatult järelduse, et üheks seda tinginud asjaoluks võib olla ka avalikesse kohtadesse joober olekus ilmunud isikute õigeaegne isoleerimine (nende arv kasvas samal ajal 4,2 % võrra), mis aitas ära hoida raskemaid õigusrikkumisi.

Viljandi rajooni prokuröriil on järgimist väärivaid koigemusi õiguspropaganda olukorra analüüsimisel. Aegsasti nõutakse suurematest ettevõtetest ja õppeasutustest andmeid õiguspropaganda ürituste kohta nendes: toimunud loengute jt. ürituste arv, neist juriidilistel teemadel tähtsamate teemade kaupa (alkoholism, liikluseeskirjade rikkumised jt.). Süstematiseerinud saadud andmed vastavasse tabelleisse, on prokuröriil lihtne võrrelda ettevõttes valitsevat õiguskorda

seal tehtava õiguspropaganda olukorraga. Õiguspropaganda vähesuse korral teeb prokurör ettevõtte juhtidele ettepaneku vastava sisuga loengute tellimiseks, saates selleks välja ka soovitatava temaatika. Analoogilist moodust on praktiseeritud ka Tallinna Linna Prokuratuuris.

Selliseid positiivseid näiteid võiks tuua rohkesti. Kuid oleks ennatlik väita, et Eesti NSV prokuratuuriorganisatsioonis uuritakse juba käesoleval ajal kuritegevust kriminoloogilisest aspektist nõutaval tasemel ning kõige optimaalsetes vormis.

Kuigi prokuratuur on kuritegevusvastast võitlust organiseeriv ja koordineeriv organ, ei tähenda see sugugi, et õiguskorra analüüsimine on ainuüksi prokuröri ülesanne. Analüüsi peamiseks eesmärgiks on kuritegevusvastaseks võitluseks uute vahendite väljatöötamine, nende koordineeritud planeerimine ning rakendamine kõigi õiguskaitseorganite poolt. Seetõttu peaksid olema õiguskorra analüüsimisest huvitatud ka teised linna või rajooni administratiivorganid - rahvakohus ja siseasjade osakond. Ka neil tuleks igal aastal oma töötulemusi põhjalikult analüüsida. Siseasjade osakonna poolt koostatav õiguskorra analüüs peaks omakorda koosnema tema allüksuste - passilaua, autoinspeksiooni, tuletõrje, teenistusjaoskonna jt. - analüüsides, kus tuuakse välja õiguskorra seisund vastavas tööloos, analüüsitava perioodil õiguserikkumisi soodustanud asjaolud ning rakendatud profülaktilised abinõud. Rahvakohtu ja siseasjade osakonna analüüse täiendab prokurör muude tema käsutuses olevate andmetega, annab vastava organi tööle prokurörijärelevalve aspektist omapoolse hinnangu ning kasutab linna või rajooni õiguskorra koondanalüüsi koostamisel.

Õiguskaitseorganite sellist koostööd kuritegevuse uurimisel Eesti NSV-s käesoleva ajani saavutatud ei ole, kuigi viimasel ajal on selles suunas mõningaid samme astunud. Lähemaks ülesandeks peaks siin olema koostööstatav analüüsimetoodika väljatöötamine.

Omaette probleemiks on prokuröride poolt läbiviidavate kuritegevuse uuringute maht ja piirid. Eitamata linnades ja rajoonides kuritegevuse põhjaliku ja kompleksse kriminoloogilise uurimise vajadust, tuleb meie arvates siiski asu-

da seisukohale, et seda ei ole võimalik ega ka vaja läbi viia prokuröride aastaanalüüside vormis. Nende mahtu ja siisu piirab juba analüüsimiseks ettenähtud suhteliselt lühike aeg (mitte üle 2 kuu). Prokuröride aastaanalüüside peamiseks ülesandeks on signaalmaterjali andmine õiguskaitseorganite töö edaspidiseks planeerimiseks.¹² Seetõttu pole aastaanalüüsis vaja käsitleda ammendavalt kõiki üleskerkinud küsimusi, vaid piirduda üksnes k õ i g e o l u l i s e m a g a , mis on antud linna või rajooni tingimustes määrav ja antud momendil suundaandev. Aastaanalüüs peab andma optimaalselt vajalikku informatsiooni õiguskorra rikkumiste dünaamikast, välja tooma enam levinud ja kasvutendentsi ilmutavad õiguserikkumised, aktiivsemad kuriteokolled, kuritegude peamised põhjused ja kuritegusid soodustavad tingimused, uurimistööd ja prokurörijärelevalve kõiki lõike, samuti ka õiguspropaganda olukorda iseloomustavad põhinäitajad.

Millele analüüsis asetada pearõhk, see oleneb täielikult õiguskorra seisundist konkreetses linnas või rajoonis. Ühes rajoonis (1972. a. analüüsi põhjal näiteks Rapla rajoonis) võib selleks olla võitlus parasiitluse ja hulkurluse vastu, teises transpordialaste kuritegude vastu (Paide, Haapsalu), kolmandas grupilise kuritegevuse vastu (Viljandi) jne. Mingit valmisretsepti siin olla ei saa. Kogu prokuratuuri koondunud informatsioonihulgast optimaalselt vajaliku selekteerimine ja analüüsimine on linna või rajooni prokuröri loominguks ülesandeks.

Lisaks operatiivsetele aastaanalüüsidele on suuremates linnades ja rajoonides kahtlemata vajalik ka kuritegevuse sügav, igakülgne ja täielik kriminoloogiline uuring, kuritegevuse dünaamika sõltuvuse analüüs majanduslikest, demograafilistest, kultuurilistest jt. tegureist. On soovitatud sügavaid kriminoloogilisi uuringuid seostada linnas või rajoonis prokuröri vahetusega, et uuel prokuröril oleks kohe ülevaade õiguskorra seisundist.¹³ Meie arvates põhjalikke

---

¹² Lähemalt selle kohta vt. G. H a z a k. Aluseks olgu analüütiline töö. - "Nõukogude Õigus", 1974, nr. 1, lk. 33-37.

¹³ Vt. Работа районного прокурора по борьбе с преступностью, стр. 59.

kriminoloogilisi uuringuid selliste ametkondlike ümberpaigutustega ühendada pole reeglina võimalik, kuna need uurimused nõuavad pikemat aega - konkreetse uurimisprogrammi ja -metoodika väljatöötamist, ulatusliku informatsiooni kogumist ja läbitöötamist.

Eesti NSV-s on kuritegevust kriminoloogiliselt põhjalikult uuritud seni vaid TRÜ kriminoloogia laboratooriumi poolt kahes linnas - Tartus ja Kohtla-Järvel.¹⁴ Edaspidised analoogilised uurimised vabariigi teistes linnades ja rajoonides võiksid meie arvates toimuda ka prokuratuuriorganite initsiatiivil, organiseerimisel ja praktilisel kaasaabil.

Niivõrd ulatuslikeks uuringuteks ei piisa üksnes prokuratuuritöötajate jõust. Uurimine peaks toimuma prokuratuuritöötajate ja spetsiaalse kriminoloogilise uurimise asutuse teaduslike töötajate ühise üritusena.

Seda eesmärki silmas pidades äratub tähelepanu ettepanek moodustada kõigis liiduvabariikides vabariiklike prokuratuuride juurde kriminoloogilise uurimise keskused - Kuritegevuse Põhjuste Uurimise ning Ärahoidmise Abinõude Väljatöötamise Üleliidulise Instituudi vabariiklikud filiaalid.¹⁵ Selle ettepaneku ellurakendamine avaks uued perspektiivid kuritegevuse põhjuste uurimisele ka meie vabariigis.

---

¹⁴ Vt. И. Ребане. О преступности в г.Тарту в 1946-70 гг. - TRÜ Toimetised. Vihik 318. Kriminoloogialaseid töid IV. Tartu, 1974, lk. 72-86.

¹⁵ Vt. А. Капранов. Какой должна быть система криминологических учреждений? - "Социалистическая законность", 1973, № II, стр. 25-28.

INDIVIDUAALSE ÕIGUSTEADVUSE STRUKTUURIST
JA ÕIGUSKASVATUSE EESMÄRKIDEST

E. R a s k a ,
TRÜ kriminoloogia laboratooriumi
vanemteadur

Kommunistliku ühiskonna ülesehitamisel tehtud märkimisväärsed edusammud on asetanud meie ette vahetu ülesande kasvatada sirguvat põlvkonda kommunismi ideaalide vaikus. Uue isiksuse kujundamise laiahaardelise programmi lahutamatu koostisosana tuleb vaadelda ka noorte õiguskasvatust.

Noorsoo õiguskasvatus, vaadatuna kriminoloogi pilguga, peab kaasa aitama võitlusele õiguserikkumiste ja kuritegevuse vastu. Rida nõukogude kriminolooge on asunud seisukohale, et kuritegude toimepanemine seletub kurjategija madala õigusteadvuse tasemega või siis otsese väärarengutega õigusteadvuse struktuuris. Sellest seisukohast tulebki järeldus, et noorte õiguskasvatuse üheks kesksemaks ülesandeks on a r e n e n u d õ i g u s t e a d v u s e kujundamine, noorte kasvatamine kehtivasse õiguskorda lugupidava suhtumise ning õigusnormidest kõrvalekaldumatu kinnipidamise tõe all.

Peab ütleva, et kuigi teoreetiline käsitus, mis vaatab õiguserikkumiste ja kuritegude toimepanemise subjektiivse põhjusena väärdunud õigusteadvust, tekkis nõukogude kriminoloogias suhteliselt hiljuti, on ta leidnud laialdast poolehoidu, ja seda nähtavasti põhjendatult. Väärrib märkimist ka asjaolu, et enam ei piirduta puhtteoreetiliste aruteludega õigusteadvuse kui käitumise sisemise regulaatori olemuse ümber, vaid on asunud püstitatud hüpoteese kontrollima faktilise materjali pinnal.

Vastavad kriminoloogilised uuringud on andnud hinnatavaid andmeid nii teooria edasiarendamiseks kui ka õiguskasvatuse praktika korrigeerimiseks. Teiselt poolt aga õigusteadvuse konkreetset uuringud asetanud kahtluse alla nii mõnegi teoreetilise lahenduse.

Ei tarvitse olla spetsialist mõistmaks, et õigusteadvuse konkreetne kriminoloogiline uurimine eeldab teatavat kujutlust või teoreetilist mudelit õigusteadvuse struktuurist ning õigusteadvuse taseme sisemistest ja välistest kriteeriumidest. Selline mudel on aluseks, millest lähtudes püstitatakse uurimishüpoteese ja antakse tõlgendus kogutud faktilisele materjalile. Järelikult võime öelda, et õigusteadvuse struktuuri ja kriteeriumide probleem on keskse tähtsusega igas õigusteadvuse empiirilises uuringus ning selle probleemi teoreetilise lahendamise kvaliteedist sõltub oluliselt empiirilise uuringu kvaliteet tervikuna. Paraku peame tõdema, et just nimelt õigusteadvuse struktuuri ja kriteeriumide küsimuse lahendamisel on teooria olnud pealiskaudne.

Nõukogude kriminoloogias on üsna levinud tendents eristada õigusteadvuse struktuuris kolme põhielementi: a) õiguslike teadmisi, b) emotsioone ja suhtumisi ning c) valmisolekut õiguspäraseks käitumiseks (reaalne käitumine). Mõnevõrra üksikasjalikuma õigusteadvuse struktuuri elementide loetelu annab A.I. Dolgova, kes eristab a) õiguslike teadmisi, b) ettekujutusi õigusest, c) suhtumist kehtivasse õigusesse, d) õigusele esitatavaid nõudmisi ja e) suhtumist õiguslike ettekirjutuste täitmisse.¹

Asetades õiguslikud teadmised õigusteadvuse struktuuri elementide loetelus esikohale, omistatakse neile ühtlasi domineeriv osa inimese õiguspärase käitumise kindlustamisel. Seda ühelt poolt. Teiselt poolt aga nähakse õiguslike teadmiste tähtsust õigusteadvuse struktuuri teiste

---

¹ А.И. Долгова. Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей. М., 1972, стр. 5-10; Г.Х. Ефремов. Изучение правового сознания молодежи. - Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 19. М., 1973, стр. 47.

elementide (suhtumised, valmisolek õiguspäraseks käitumiseks) kujundajatena.

Ka õiguskasvatuse praktika omistab õiguslike teadmiste andmisele erilise tähtsuse. Tihtipeale samastataksegi õiguskasvatus õiguspropagandaga, normiõpetusega, arvates, et õigusnormide tundmine iseenesest on faktor, mis tagab inimese õiguspärase käigumise. Läbiviidud uuringud seda aga ei kinnita. Õiguserikkumisi toimepannud noorte õiguslikud teadmised on sageli märksa ulatuslikumad, kui on seda õigusküülekate noorte omad.²

Õiguserikkumisi ja kuritegusid toimepannud noorte laiemad õiguslikud teadmised tulenevad suure osas nende noorte elupraktika iseärasustest. Õigusvastasest käitumisest tingitud kokkupuuted õiguskaitse organitega on üheks allikaks, kust noored õiguserikkujad ammutavad õiguslikke teadmisi. Neid teadmisi võivad nad hankida ka kontaktidest kuritegeliku elemendiga. Lisaks sellele võib arvata, et õiguserikkumistele kalduvad noored püüavad teadlikult hankida õiguslikke teadmisi, ja seda mitte soovist v ä l t i d a õiguserikkumisi, vaid vastupidi - ajendatuna soovist hoiduda kõrvale vastutusest kavatsetava õiguserikkumise eest.

Tuginedes sellele faktile, saame teha olulise järelduse: õiguslikud teadmised iseenesest ei suuda inimest tagasi hoida õiguserikkumise (kuriteo) toimepanemisest. Ka spetsiaalsete õiguslike teadmisteta inimene võib käituda õiguspäraselt ja kuritegusid mitte toime panna. Tõsi küll, on rida norme-tegevusjuhiseid (näiteks paljud tsiviil- ja finantsõiguse normid), mis sätestavad teatavate toimingute teostamise korra ja millele järgimine ei ole mõeldav vastavate õiguslike teadmisteta. Kuna aga käesolevas on jutt noorte õiguskasvatuse kriminoloogilistest aspektidest, siis peame silmas eelkõige kriminaalõiguse norme, millega noored oma elutegevuses kõige suurema tõenäosusega kokku puutuda võivad. Viimaste hulgas on aga norme-tegevusjuhiseid (s.o. norme, mille tegelik järgimine eeldab vastavaid teadmisi) minimaalselt.

---

² Г.Х. Ефремова. Изучение правового сознания молодежи, стр. 53.

Seega ei saa õiguslikke teadmisi käsitleda arenenud õigusteadvuse obligatoorse kriteeriumina. Õiguslased teadmised võivad küll õigusteadvuse struktuuri kuuluda, ja alates teatavast õigusteadvuse arengu kvalitatiivsest tasemest kahtlemata kuuluvadki, kuid nende osatähtsus noorte õiguspärase käitumise kindlustamisel ei ole nii suur, kui üldiselt arvatakse. Asumine vastupidisele seisukohale tähendaks, et õiguserikkumisi või kuritegusid toimepannud noorte õigusteadvust tuleks sageli hinnata arenenumaks õiguskuulekate noorte õigusteadvusest. Viimane väide tähendaks sisuliselt loobumist õigusteadvuse empiiriliste uuringute ühest põhilisest lähtehüpoteesist, mis, nagu juba eespool öeldud, seab kuritegude toimepanemise õigusteadvuses ilmnevate defektidega.

Loobumine sellest lähtehüpoteesist oleks siiski ennatlik. Meile näib, et paradoksaalsed tulemused, mida on andnud senised õigusteadvuse empiirilised uuringud, osundavad ennekõike teooria teatavale küündimatusele, mitte aga lähtehüpoteesi paikapidamatusele. Teooria küündimatus omakorda avaldub kõige teravamalt õigusteadvuse struktuuri ja kriteeriumide küsimustes. Revideerimisele tuleb võtta õiguslike teadmiste koht ja funktsioonid õigusteadvuse kui inimese käitumise sisemise regulaatori struktuuris.

Ei tarvitse olla teravapilguline teoreetik või suurte kogemustega uurija-eksperimentaator, nägemaks käegakatsutavat fakti: valdav enamik meid ümbritsevatest inimestest käitub õiguspäraselt ja ei pane toime kuritegusid mitte sellepärast, et nad on teadlikud vastavaid tegusid keelavate õigusnormide olemasolust. Käitudes õiguspäraselt, juhinduvad inimesed hoopis sügavamatest teadvuse struktuuri elementidest, nii sügavatest, et üsna sageli ei osata iseги seletada, miks antud olukorras just nii käituti. Juhul kui siiski ollakse sunnitud oma käitumist seletama, viidatakse tavaliselt (ja sedagi küllaltki ebamääraselt) teatavatele tõekspidamistele, harjumustele jne. Tervikuna võib kõrvaltvaatajale jääda mulje, et inimesed käituvad õiguspäraselt ebateadlikult, et nende tegevust juhib mitte kõrgelt arenenud õigusteadvus, vaid mingid irratsionaalsed printsiibid. Ometi on see mulje näilik. Valdava enamiku inimeste õigus-

pärane käitumine just nimelt arenenud õigusteadvusele rajanebki; ehk teisiti öelduna: arenenud õigusteadvuse reaalne sisu väljendub lõppastmes inimeste õiguspärasest käitumisest.³ Siit omakorda johtub ülesanne õigusteadvuse teooriale: avada indiviidi õigusteadvuse kui reaalselt funktsioneeriva käitumisregulaatori sisu; näidata ära õigusteadvuse struktuuri elemendid ja üksikute elementide suhteline tähtsus käitumise reguleerimise mehhanismis, samuti aga kriteeriumid, mis on aluseks õigusteadvuse taseme hindamisele. Tõeliselt efektiivne ja teadlikult suunatav õiguskasvatus on mõeldav ainult siis, kui nimetatud probleemid on lahendatud. Samavõrra oluline on nende probleemide lahendamine kriminoloogidele, kes vahetult tegelevad õigusteadvuse empiirilise uurimisega. On ju selge, et kuni puudub meid huvitavat nähtust adekvaatselt peegeldav teooria, ei saa ka empiirilised uuringud anda eriti kvaliteetseid tulemusi. Isegi enam - teooria puudulikkus võib viia täiesti paradoksaalsete järeldusteni.

Ülalesitatatu eesmärgiks oli juhtida tähelepanu ilmsele vastuolule õigusteadvuse teoreetilise käsituse ja tegelikkuse vahel, samuti näidata, milleni selle vastuolu ignoreerimine võib viia. Seejuures ei taha me hoopiski väita, et varem ei ole ükski uurija käsitletud vastuolu märganud. Vastupidi - mitmed nimekad nõukogude kriminoloogid on üsna ühemõtteliselt alla kriipsutanud tõsiasja, et õiguslikel teadmistel ei ole inimese õiguspärase käitumise kindlustamisel esmast tähtsust. Nii väidab A.M. Jakovlev: "Võib täie veendumusega konstateerida, et enamik nõukogude inimesi ei pane toime kuritegusid mitte tänu nende juriidilisele ettevalmistatusele, vaid tänu sellele asjaolule, et põhilised, baasilised, aastatuhandetega kujunenud inimliku ühiselu reeglid (K. Marx), aga samuti sotsialistliku moraali ja kõlbluse normid koordineeruvad tihedalt õigusnormidega, ja võttes omaks nimelt need reeglid kui kultuuri-

---

³ А.М. Яковлев. Правосознание как объект конкретно-социального исследования. - Ученые записки Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. Вып. 23. М., 1971, стр. 14.

elemendid (sotsialiseerimisprotsess), realiseerib indiviid lõppastmes oma käitumises õigusnormi nõuded, sõltumata õiguslikust informeeritusest selle sõna täpses mõttes."⁴

Õiguslike teadmiste vähest tähtsust inimeste käitumise õiguspärasuse tagajaina rõhutab ka E.A. Lukaševa, kes ütleb: "Enamteadlike indiviidide õiguspärane käitumine kindlustatakse mitte formaalsete normide ja neis sisalduvate sanktsioonide olemasoluga. See võib olla tagatud niisuguste õiguslike väärtuste reguleeriva toimega nagu seaduslikkus, õiguskord, austus inimliku ühiselu reeglite vastu."⁵

Täiesti iseseisvate nähtustena (käitumise regulatsiooni aspektist vaadatuna) käsitleb õiguslikke teadmisi ja õigusteadvust tuntud unagri jurist-sotsioloog K. Kulcsár. Õigusteadvus pole K. Kulcsári käsituses midagi muud kui õiguse poolt heakskiidetud moraalnormide ja käitumistavade kogum.⁶

Millest siis ikkagi on tingitud, et õigusteadvuse empiirilistes uuringutes ja õiguskasvatuse praktikas omistatakse õiguslikele teadmistele, õiguslikule indormeeritusele liialt suur tähtsus? Tundub, et siin on tegemist kahesuguste põhjustega. Õiguslike teadmiste osatähtsuse ülehindamist käitumise regulaatorina tingib kõigepealt puhtpraktiline kaalutus: on ju õiguslikud teadmised empiirilise uuringu käigus suhteliselt kergesti "mõõdetavad". Teiselt poolt on õigusliku informatsiooni maht ja õiguspropaganda intensiivsus küllaltki käepärased ning objektiivsed kriteeriumid, mis lubavad (vähemalt kvantitatiivselt) otsustada õiguskasvatuse taseme üle.

Teine põhjuste kompleks, mis tingib õiguslike teadmiste osakaalu ülehindamist, on teoreetilis-metoodilist laadi. Nähtavasti ei eksi me nimetamisväärselt, kui ütleme, et neist põhjustest kõige üldisem on uurijate kartus samastada õigusteadvust kõlblusteadvusega. Õiguslikes teadmistes püütaksegi näha neid teadvuse kaht vormi eristavat tunnust.

---

⁴ А.М. Яковлев, указ. соч., стр. II.

⁵ Е.А. Лукашева. Социалистическое правосознание и законность. М., 1970, стр. 81.

⁶ Право и социология. М., 1973, стр. 230.

Küsimuse selline lahendamine on aga liialt formaalne. Ajendatuna soovist iga hinna eest rangelt eristada õigusteadvust ja kõlblusteadvust, unustatakse, et teadvuse kõigil vormidel, sealhulgas ka õigus- ja kõlblusteadvusel, on vähemalt kaks funktsionaalset tasandit: tunnetuslik-teoreetiline ning käitumuslik-regulatiivne. Teadvuse tunnetuslik-teoreetilise tasandi funktsiooniks on tegelikkuse peegeldamine. Lähtudes sellest, milliste mõistete, kategooriate või kujundite kaudu tegelikkus teadvuses peegeldub, saamegi eristada teadvuse eri vorme. Teadvuse käitumuslik-regulatiivse tasandi funktsiooniks on reguleerida inimese käitumist adekvaatselt objektiivsele elusituatsioonile ning ühiskonnas kehtivate käitumisstandardite nõuetele. Käitumise subjektiivne reguleerimine (eneseregulatsioon) toimub teadvuse struktuuri vastuvõetud vaimsete käitumisregulaatorite komplekside kaudu, mis moodustab omaette tervikliku süsteemi. Õigusteadvuse eristamine kõlblusteadvusest on võimalik ja otstarbekas ainult teadvuse tunnetuslik-teoreetilisel tasandil.

Teadvuse tunnetuslik-teoreetiline ja käitumuslik-regulatiivne tasand on vastastikku tihedalt seotud, kuid mitte niivõrd, et üks ei saaks eksisteerida teiseta. Vaadatuna geneetilisest aspektist võib öelda, et reeglipäraselt kujuneb enne välja teadvuse käitumuslik-regulatiivne tasand. Sellest väitest, rakendatuna õigusteadvusele, järeldeb, et alaealised ja noorukid on suutelised käituma õiguspäraselt juba enne seda, kui neil tekib võime peegeldada tegelikkust õiguslike kategooriate kaudu. Õigusteadvuse tunnetuslik-teoreetiline tasand kujuneb välja spetsiaalsete teadmiste omandamise kaudu ja väljakujunenult võib evida stimuleerivat toimet õigusteadvuse käitumuslik-regulatiivsele tasandile. Praktiliselt tähendab see, et mida suurem on vastavus (koosõla) indiviidi subjektiivsete käitumisprintsipiide ja teadmiste tasandil vastuvõetud õigusnormide vahel, seda järjekindlamalt õiguspärane on antud indiviidi käitumine. Teatavas ulatuses tuleb silmas pidada ka võimalust, et õiguslikud teadmised võivad olla aluseks varem väljakujunenud käitumisprintsipiide ümberhindamisele. Tervikuna on aga

õigusteadvuse tunnetuslik-teoreetiline tasandi funktsioonid käitumise reguleerimisel teisejärgulise tähtsusega.^x

Niisiis ühelt poolt põhjendamatu kartus samastada õigusteadvust moraaliteadvusega, teiselt poolt aga õigusteadvuse kahe funktsionaalse tasandi mitteeristamine ongi nendeks teoreetilis-metoodilist laadi põhjusteks, mis tingivad õiguslike teadmiste osatähtsuse ülehindamise õigusteadvuse empiirilistes uuringutes ja õiguskasvatuse praktikas.

Õiguslike teadmiste osatähtsuse allakriipsutamine oleks põhjendatud juhul, kui uuritaks õigusteadvuse tunnetuslik-teoreetilist tasandit või kui õiguskasvatus oleks suunatud ainult elanike (noorte) juriidilisele harimisele. Tegelikult aga ei huvita neid kriminolooge, kes seletavad kuritegude toimepanemist defektidega õigusteadvuses, mitte õigusteadvuse tunnetuslik-teoreetiline, vaid vastupidi - käitumuslik-regulatiivne tasand.

Noorte õiguskasvatuse keskseks eesmärgiks on noorte suunamine õiguspärasele käitumisele. Püüdes seda ülesannet lahendada õiguslike teadmiste levitamise, õiguspropaganda intensiivistamise kaudu, ei tohi unustada, et paljalt õiguslikud teadmised, mida ei toeta sügavad käitumise regulaatorid, ei suuda kindlustada indiviidi õiguspärast käitumist. Tuleb täielikult nõustuda sellega, et "kui vastava karistuse kohaldamise ähvardus oleks küllaldaseks garantiiks kindlustamaks kinnipidamist teatavast õiguskorrast, siis ei esineks üldse kuritegusid"⁷.

Seega võime konstateerida, et niiõrd, kuiõrd õiguslikud teadmised ei ole indiviidi käitumuslik-regulatiivse õigusteadvuse usaldusväärseteks indikaatoriteks, tuleb probleemi uurimisel minna kaugemale. Eesmärgiks peab olema välja selgitada need subjektiivsed käitumisregulaatorid, mis tegelikult suunavad inimese õiguspärast käitumist.

Lähtepunktiks selle ülesande lahendamisel on tees, et

---

^x Otsene regulatiivne tähtsus on õigusteadvuse tunnetuslik-teoreetilisel tasandil ainult õigusliku regulatsiooni selle osana, mis rajaneb normidele-tegevusjuhistele.

⁷ Г. Б. Б. К. О марксистской этике и социалистической морали. М., 1962, стр. 23.

õiguspärane käitumine tuleneb orgaaniliselt antud ühiskonnas valitsevast kultuurist ja üldiselt tunnustatud ühiselu-reeglitest. See tähendab, et õiguspärast (samuti õigusvastast) käitumist ei saa käsitada mingi e r i l i s e käitumisviisina, mis baseerub e r i l i s t e l e subjektiivsetele mehhanismidele. Asjaolu, et teatavat osa inimtegevust reglementeeritakse õigusnormidega, räägib ühiskonna kui terviku ja iga üksiku indiviidi objektiivsest huvist asetada käitumisele teatavad õiguslikud piirid, mitte aga vastavates piirides toimuva käitumise erilisusest. Järelikult: ka indiviidi subjektiivsed käitumisregulaatorid, faktorid, mis lõppastmes määravad ära, kas käitumine jääb õiguspäraseks või ületab õigusnormis kehtestatud nõuded, ei moodusta iseseisvat, ainuüksi õiguslikult relevantset (s.o. õiguslikule hinnangule alluva) käitumise reguleerimisel funktsioneerivat kompleksi, vaid nende reguleeriv toime ulatub inimtegevuse kõigile aladele. Seega omandab küsimus inimese õiguspärase käitumise sisemistest regulaatoritest hoopis laiemat sisu ja asetub meie ette probleemina subjektiivsest eneseregulatsioonist üldse.

Indiviidi subjektiivne eneseregulatsioon, inimese käitumise vaimsed regulaatorid on küsimus, mida viimasel ajal üsna intensiivselt uuritakse. Kuna tegemist on äärmiselt keeruka ja empiiriliseks uurimiseks raskesti kättesaadava nähtusega, siis ei ole tulemused esialgu kuigi silmapaistvad. Sellegipoolest saame juba praegu, ehkki kõige üldises plaanis esile tuua subjektiivse eneseregulatsiooni olulisemad lülid.

Kõigepealt on selge, et indiviidi subjektiivset eneseregulatsiooni ei saa uurida lahus käitumise sotsiaalse determineerimise protsessist. Olemuselt ei ole indiviidi subjektiivne eneseregulatsioon midagi muud, kui käitumise sotsiaalse determineerimise (objektiivse) jätkumine subjekti teadvuses. Käitumise sotsiaalne determineerimine omakorda kujutab endast teatavas mõttes kahetasandilist nähtust: esimesel tasandil determineeritakse indiviidi sotsiaalne aktiivsus, teisel aktiivsuse reaalsed avaldusvormid - tegelik käitumine. Käitumise sotsiaalne determineerimine viimati nimetatud tasandil realiseerub käitumise sotsiaalse regulatsiooni ja kontrolli objektiivse mehhanismi kaudu.

Indiviidi sotsiaalse aktiivsuse determineerimisel kuulub põhiline tähtsus vajadustele. Mitmesuguste vajaduste tekkimise katkematu protsess ongi inimese sotsiaalse aktiivsuse aluseks ja sisuks.

Tekkinud vajadusi võivad inimesed rahuldada väga erineval viisil ja mitmesuguste vahenditega. Nimelt siin, vajaduste rahuldamise viiside ja vahendite valikul, omandab käitumine spetsiifiliselt inimliku, sotsiaalse sisu. Seda ühelt poolt; teiselt poolt on vajaduste rahuldamise viiside ja vahendite valik käitumise sotsiaalse determineerimise teise tasandi - käitumise sotsiaalse reguleerimise ja kontrolli sisuks.

Inimeste ühiskondlik kooselu nõuab üksikindiviidide ja sotsiaalsete grupeeringute käitumise vastastikust koordineeritust. Mitte kellegi käitumine ei tohi ületada piire, mis võib hakata ohustama teiste inimeste või koguni ühiskonna kui terviku normaalset eksistentsi. Käitumise vastastikune koordineerimine ning inimeste ja ühiskonna ohutu eksisteerimise tagamine ongi käitumise sotsiaalse regulatsiooni ja kontrolli ülesanne.

Kõige üldisemalt avaldub käitumise sotsiaalne reguleerimine ja kontroll teatavate käitumissabloonide kehtestamises ning jälgimises, et neist šabloonidest tegelikult kinni peetaks. Sotsiaalne ühendus, mis käitumise reguleerimist ja kontrolli teostab (regulatsiooni ja kontrolli subjekt), võib nimetatud käitumissabloone kehtestada üsna konkreetsete ja üksikasjalikult fikseeritud tegevusjuhiseks, kuid võib piirduda ka üldiste käitumisprintsipiide (-ideaalide) andmisega. Täpselt samuti võidakse väga erineval tasemel garanteerida kehtestatud käitumiseeskirjade täitmist, kasutades selleks nii moraalselt hukkamõistu kui ka otsest sundi füüsilise või majandusliku sunni kujul.

Olenevalt sellest, millele üks või teine käitumise sotsiaalse reguleerimise ja kontrolli süsteem valdavalt rajaneb - kas formaalsetele ettekirjutustele või käitumise mitteformaalsetele regulaatoritele (ideaalid, üldised käitumisprintsipiidid) - , saame eristada formaalseid ja mitteformaalseid (vaimseid) käitumise sotsiaalse reguleerimise ja kontrolli süsteeme. Sellise eristamise puhul peab arves-

tama ka regulatsiooni ja kontrolli süsteemi garanteerivate mehhanismide (sanktsioonide) iseloomu. Võib öelda, et üldreeglina seondub käitumise formaalne reguleerimine otsese sunniga.

Mida kõrgemal arenguastmel on ühiskond, mida keerukam on tema sotsiaalne struktuur, seda raskem on reguleerida inimeste ja sotsiaalsete gruppide käitumist puhtformaalsete süsteemide kaudu. Viimaste toimemehhanism on liialt paindumatu ja kohmakas. Sellepärast ongi arenenud ühiskonnas valitsevaks käitumise sotsiaalse reguleerimise ja kontrolli süsteemiks vaimne reguleerimine, mida teatavas ulatuses toetavad formaalsed elemendid.

Käitumise vaimse reguleerimise ja kontrolli süsteemi tuumiku moodustavad sotsiaalsed väärtused. Ühiskondliku praktika ideaalsete väljendusvormidena kujutavad sotsiaalsed väärtused endast omapärast kontsentraati valitsevast kultuurist; nad on kultuuristandardid, mis aitavad orienteeruda ümbritseva tegelikkuse nähtustes.

Vastastikku seotud sotsiaalsed väärtused moodustavad terviklikke süsteeme - väärtushierarhiaid - , mis toimivad regulaatoritena inimeste elutegevuse erinevates valdkondades. Nii saame rääkida elukutseväärtustest (toimivad regulaatoritena kutsetegevuse sfääris), olmeväärtustest (reguleerivad käitumist olmesfääris) jne. Üksikuid väärtushierarhiaid seovad üldisema regulatiivse tähendusega baasväärtused - väärtused, mis kõige vahetumalt peegeldavad antud ühiskonna põhiideale.

Ühiskonna normaalse funktsioneerimise aspektist enam olulistele väärtustele antakse normatiivne kuju. Tekkinud sotsiaalses normis sulavad lahutamatuks tervikuks kolm regulatiivse iseloomuga elementi: a) tegevuse ideaal (sotsiaalne väärtus), b) selle ideaali realiseerimise optimaalseim variant (formaalne käitumisreegel) ja c) normi täitmist garanteeriv sanktsioon. Normi formaalse elemendi ja normi täitmist garanteeriva sanktsiooni iseloomu alusel saame sotsiaalseid norme liigitada suhteliselt terviklikesse alarühmadesse. Ühe sellise alarühma moodustavad ka õigusnormid.

Seega võime ühiskonna ulatuses funktsioneerivat käitumise sotsiaalset reguleerimist ja kontrolli kujutada hiiglasliku, enam või vähem korrastatud väärtuste ja normide süsteemina, mille reguleeriva toime fookuses asub regulatsiooni objekt (indiviid, grupp, sotsiaalne kiht või klass, ühiskond tervikuna). Siit võib kergesti jääda ekslik mulje, nagu esineksid sotsiaalsed väärtused ja normid regulatsiooni objekti suhtes väliste jõududena, mis ahistavad tema vabadust. Tegelikult on olukord vastupidine. Käitumist saab reguleerida ja kontrollida vaimsete regulaatorite - sotsiaalsete väärtuste ja normide abil ainult niivõrd, kui võrd need regulaatorid on lülitunud reguleeritava subjektiivsesse kultuuri. Ehk teisiti öeldes: käitumise sotsiaalne reguleerimine ja kontroll on seda efektiivsem, mida suuremal määral ta funktsioneerib subjektiivse eneseregulatsiooni ja -kontrollina. Ning siit praktiline järeldus: seades eesmärgiks tõsta käitumise sotsiaalse reguleerimise ja kontrolli efektiivsust, ei saa piirduda üksnes objektiivsete regulaatorite süsteemi (sotsiaalsed väärtused ja normid) täiustamisega. Sageli osutub vajalikumaks parandada nende süsteemide kvaliteeti, mis transleerivad algselt objektiivsed regulaatorid regulatsiooni objekti sisemisteks (subjektiivseteks) väärtusteks ja käitumishormideks. Mitmesuguse iseloomuga häired nimetatud süsteemides võivad lõppastmes tingida, et algselt vägagi täiuslik sotsiaalne käitumisregulaator jõuab subjekti teadvusse väärdundu kujul ja seetõttu ei avalda loodetud mõju tegelikule käitumisele.

Inimese puhul saame rääkida põhiliselt kolmest transleerivast mehhanismist. Need on: a) jäljendamine, b) identifitseerimine ja c) õpetamine.

J ä l j e n d a m i n e on protsess, kus indiviid võtab spontaanselt omaks jäljendatava käitumisviisi. Jäljendamine on alateadvuslik. Juhul, kui püütakse teadlikult jäljendada reaalse või kujuteldatava ideaali (eeskuju) käitumist, on tegemist i d e n t i f i t s e e r i m i s e g a . Mõlemad, nii jäljendamine kui identifitseerimine, rajanevad valdavalt subjekti aktiivsusele. Kolmas indiviidi subjektiivseid käitumisregulaatoreid kujundav mehhanism -

õ p e t a m i n e - nõuab õpetatava aktiivsust tunduvalt vähem. Seevastu aga avaldub õpetamise kaudu üleandmise-vastuvõtmise protsessi teadvuslik-ratsionaalne iseloom käitumisregulaatorites kõige selgemini.⁸

Üldreeglina ei ole jäljendamine, identifitseerimine ja õpetamine üksteist välistavad protsessid, vaid kulgevad paralleelselt. Sellegipoolest võib arvata, et isiksuse kujunemise erinevatel etappidel evib üks või teine neist suuremat tähtsust. Nii on jäljendamine ja identifitseerimine kui valdavalt emotsionaalsed protsessid iseloomulikud eelkõige lapsele, teadvuslik-ratsionaalne õpetamine (õppimine) hakkab domineerima isiksuse kujunemise hilisemates faasides.

Nagu öeldud, võtab indiviid jäljendamise ja identifitseerimise käigus teatava käitumisviisi üle tervikuna. Käitumisviisi omandamisega võetakse omaks (kuigi alateadvuslikult) ka need väärtusideaalid ja normid, mis vastavat käitumist sisemiselt determineerivad. Käsitades jäljendamist ja identifitseerimist reeglipäraste käitumise subjektiivseid regulaatoreid kujundavate mehhanismidena, saab mõistetakse, kuidas on võimalik objektiivsete käitumisregulaatorite vastuvõtmine (transleerumine subjektiivseteks regulaatoriteks), ilma et seda protsessi vahendaksid teadmised. Seda esiteks. Teiseks tuleb alla kriipsutada jäljendamise ja identifitseerimise erilist tähtsust subjektiivsete käitumisregulaatorite kujundajatena selles mõttes, et just nimelt nende mehhanismide toimel kujunevad välja isiksuse põhilisemad, püsivama iseloomuga sisemised regulaatorid. Viimane järeldus rajaneb ühelt poolt asjaolule, et nii jäljendamine kui ka identifitseerimine evivad domineerivat tähtsust subjektiivsete regulaatorite kujundajatena lapseas, kus, piltlikult öeldes, rajatakse alus isiksuse edasisele kujunemisele ja määratakse üldjoontes kindlaks tulevase isiksuse kontuurid. Teiselt poolt ei tohi unustada, et jäljendamine ja identifitseerimine on põhiolemuselt emotsionaalsed protsessid. Sellistena võivad nad jätta kujune-

---

⁸ Г. Г и б ш, М. Ф о р в е р г. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972, стр. 161-170.

va isiksuse struktuuri, tema subjektiivsetesse käitumisregulaatoritesse märksa püsivama iseloomuga jälje kui seda suudab teaduslik-ratsionaalne mõjutamine.

Ülalesitatatu taustal on võimalik mõista ka õ i g u s p ä r a s e käitumise sisemiste regulaatorite olemust, avada inimese käitumuslik-regulatiivse õigusteadvuse tegelik sisu. Selleks on indiviidi poolt subjektiivsete väärtustena vastuvõetud (internaliseeritud) sotsiaalsed väärtused ning käitumisprintsiihid, mida propageeritakse ja kaitsatakse õigusnormidega.

Nimetades õigusnormide kaudu propageeritavaid ja kaitstavaid väärtusi sotsiaalõiguslikeks väärtusteks, võime viimaste sisemiselt organiseeritud komplekse indiviidi subjektiivsetes väärtussüsteemides vaadelda üldisema tähendusega käitumisregulaatoritena: inimese sotsiaalõiguslike hoiakutena. Kui internaliseeritud sotsiaalõiguslikud väärtused evivad indiviidi subjektiivses eneseregulatsioonis ja -kontrollis tähtsust konkreetse käitumisviisi valiku sisemiste kriteeriumidena, siis sotsiaalõigusliku hoiaku regulatiivne toime on laiem. Sotsiaalõiguslikus hoiakus väljendub antud isiku õiguslikult relevantne suhtumine teatavas se hūvesse (nagu näiteks inimese elu ja tervis, vōõras vara, avalik kord jne.).

Käsitledes internaliseeritud sotsiaalõiguslikke väärtusi ja indiviidi sotsiaalõiguslikke hoiakuid käitumuslik-regulatiivse õigusteadvuse struktuuri elementidena, saame ühtlasi käepärase kriteeriumi õigusteadvuse taseme hindamiseks. Indiviidi õigusteadvus on seda arenenum, mida suuremal määral ja mida väiksemate moonutustega on antud indiviid internaliseerinud subjektiivsete käitumisregulaatoritena ühiskonna sotsiaalõiguslikke väärtusi. Kōrvuti nimetatud kriteeriumiga peab õigusteadvuse taseme hindamisel tingimata arvestama õigusteadvuse struktuuri hormooniat, üksikute sotsiaalõiguslike hoiakute vastastikust tasakaalu.

Eelnevast lähtudes saame mõnevōõrra täpsustada ka õiguskasvatuse eesmäärke ja sisu. Kui vaadelda õiguskasvatuse e e s m ä r g i n a arenenud käitumuslik-regulatiivse õigusteadvuse kujunemist, siis tuleb ühtlasi asuda seisukoha-

le, et õiguskasvatuse sisuks on noorte suunamine sotsiaalõiguslike väärtuste internaliseerimisele. Nende väärtuste internaliseerimise tulemusena peavad kujunema noortes positiivsed sotsiaalõiguslikud hoiakud.

Mis puutub noorte õiguskasvatuse konkreetsetesse teedesse ja meetoditesse, siis tõusetub siin terve rida tõsiseid probleeme. Peatume põgusalt mõnel olulisemal.

Eespool võisime veenduda, et üsna suur osa (ja seejuures otsustava tähtsusega!) inimese subjektiivsetest käitumisregulaatoritest, kaasa arvatud õiguslikult tähenduslikud regulaatorid, internaliseeritakse teadmiste vahendusega jäljendamise ja identifitseerimise teel. See tähendab, et ajaks, mil inimene jõuab ikka, kus tema õigusteadvust saab hakata kujundama õiguslike teadmiste andmise kaudu, on õigusteadvuse põhistruktuur juba välja kujunenud. Selle struktuuri kvaliteet sõltub aga neist käitumiseeskujudest, keda antud isik on kunagi jäljendanud või kellelega ta on end käitumises identifitseerinud. Järelikult selleks, et kindlustada õigusteadvuse soovitatav kujunemine juba tema kujunemise algfaasides, on vaja suunata ja kontrollida jäljendamise ning identifitseerimise kulgu.

On ilmne, et jäljendamise ning identifitseerimisprotsessi kontrolli ei saa mõista liiga kitsalt. Praktiliselt on niisugune kontroll teostatav suhteliselt üldises plaanis ja nimelt õiguskultuuri, reaalse õiguskorra tugevdamise kaudu. Võib arvata, et just reaalne õiguskord, üksikute inimeste ja inimgruppide õiguskultuur nii globaalses tähenduses kui ka nn. "pisiasjades" määrab lõppastmes ära sihipärase õiguskasvatuse efektiivsuse.

Reaalse õiguskorra tähtsus indiviidi õigusteadvuse kujunemisele avaldub kõigepealt selles, et ta on aluseks teatava käitumisstereotüübi tekkimisele. Peale selle saab reaalselt õiguskorda vaadelda faktorina, mis aitab kujundada indiviidi sisemist arusaamist õigusnormide (õiguslike käskude-keeldude) autoriteedist. Lõpuks on reaalne õiguskord tähtis objektiivne faktor, mis võib süvendada (või vastupidi - õhnestada) indiviidi sotsiaalõiguslikke väärtuskujutlusi ja hoiakuid.

Ühenduses õigusteadvuse tekkimistoimustega kerkib üles veel üks probleem, ja nimelt: kui osutub, et varases lapseas on sotsiaalõiguslikud väärtused jäänud internaliseerimata, siis millised oleksid kompenseerivad kasvatusmeetodid? Küsitav on, kas suudavad ainuüksi õiguslikud teadmised tekkinud väärarenguid õigusteadvuse struktuuris neutraliseerida.

О СТРУКТУРНОМ АНАЛИЗЕ ПОНЯТИЙ ДЕЙСТВИЙ
И О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЙСТВИЙ

И. С и л ь д м я з,
доктор экономических наук, профессор
Х. Н й м,
кандидат филологических наук

Одним из существенных элементов правового предписания является понятие действия. Правовое предписание имеет целью предотвращать действия, нежелательные господствующему классу, вызывать желательные ему действия или же давать совершению дозволенных действий желаемое направление. Право выполняет это через посредство понятийного аппарата, который в языковой форме реализуется в нормативных актах.

Отсюда, с точки зрения права, вытекает необходимость знать сущность тех понятий действия, посредством которых осуществляется правовое регулирование. Для этого мы прежде всего рассматриваем такие явления, относящиеся к различным уровням, как деятельность, действие и понятие действия. Далее попытаемся показать, какие возможности представляет наука права определение понятий действий методом структурного анализа и в заключение коснемся вопросов о соотношении структуры понятия действия и деонтических категорий (приказания, запреты и т.д.).

На необходимость подобных исследований уже неоднократно обращалось внимание в правовой литературе^I. Особенно в связи с созданием систем автоматического управления возрастает не-

^I Право и социология. М., 1973, стр. 205 и сл.; В. К н а п п. О возможности использования кибернетических методов в праве. М., 1965, стр. 252; В. Г. Ш о р и н, Г. Н. А п т е к м а н, Л. М. Р у т м а н. Информационное обеспечение в отраслевых АСУ. — "Советское государство и право", № 8, 1973, стр. 75.

обходимость разрешения проблемы формализации правовых предписаний. Без этого немислимо создание автоматизированных юридических систем высшего уровня. Из практических предложений мы в настоящей статье имеем в виду именно этот круг вопросов.

Настоящая статья намечена для постановки проблемы. Изложенное в ней представляет собой общий, принципиальный подход, мы не стремились вникать в подробности.

I Исходные положения структурного анализа понятий действий

I. Методологические основы. Исходные положения анализа понятий действий дает нам марксистско-ленинская теория познания в вопросе о соотношении бытия и мышления. В труде "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии" Ф. Энгельс изложил это так: "Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия ... Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира".²

Здесь подчеркивается существование двух уровней - уровня объективного реального мира и уровня понятий, а также примат первого над вторым, что и является основой материалистического миропонимания.

В реальной жизни встречаются вещи, предметы, процессы и т.д., среди которых нет двух вполне тождественных. Но на уровне мышления мы оперируем понятиями, которые по своему существу являются абстрактными. Они обозначают подобные по определенным свойствам, признакам предметы, процессы и т.д.⁴

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, издание второе, т. 21, 1961, стр. 301-302.

³ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 180.

⁴ О сущности и возникновении понятий см.: Д.П. Горский и И. Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961.

В этом выражается диалектическое единство отдельного и общего как на уровне реальности, так и на уровне его понятийного отражения. Общее существует лишь через отдельное и в каждом отдельном выражается общее.⁵

Языковым выражением понятий являются слова. При этом одно и то же слово нередко выполняет двойную роль: словом выражают как конкретную вещь, предмет, явление на уровне реальности, так и соответствующие понятия на уровне мышления. Это обусловлено тем, что конкретные явления в преобладающей части не имеют индивидуального названия, собственного имени, которое, например, имеется у каждого человека. В последнем случае мы можем провести различие между словами и сказать "Юри" или "Петр", а не "человек". Однако в таком слове, как "яблоко" это невозможно. Использование одного и того же слова как в значении понятия, так и для обозначения конкретной вещи является языковым выражением связи, существующей между понятием и отдельной вещью, выражением единства реальных вещей и их смысловых образов (понятий) как отражения этих вещей.

Если теперь перейти к анализу действий, то и здесь в первую очередь следует различать два уровня. Первый уровень охватывает то, что существует в действительности, второй — то, что присходит в человеческом мышлении. На уровне действительности люди осуществляют свою деятельность непрерывно, с утра до вечера, изо дня в день. Из этой непрерывности мы выделяем определенные отрезки или комбинации отрезков, которые составляют соответствующие действия. Как все деятельности, так и все действия конкретны. Но на уровне мышления мы обобщаем конкретные действия в понятия действий — бежать, пить, покупать, продавать, красть и т.д. Таким образом мы поднимаемся с уровня объективной реальности на уровень мышления.

Реальная действительность человека представляет собой непрерывный процесс с бесконечным множеством переплетающихся связей и подробностей. Какое-либо понятие охватывает из этой непрерывности определенную часть или части, рассматривая их в каком-либо аспекте и на каком-либо уровне обобщения. Вслед-

---

⁵ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 318.

ствие этого мы в состоянии одно и то же объективное явление (деятельность человека) выражать весьма различными понятиями в зависимости от того, какую часть, аспект или уровень обобщения мы избираем. Например, мы можем определенную реальную деятельность называть словом "говорить", но мы можем называть его и словом "лгать" (если мы имеем в виду соответствие высказываемого действительности). Мы можем характеризовать это еще более конкретно как клевету (если мы учитываем, против кого это направлено и каково его содержание). Характеризуя ту же самую деятельность в совсем другом аспекте, мы можем называть ее, может быть, шепотом (если мы имеем в виду лишь громкость голоса говорящего и т.д.). Конкретная деятельность человека, имеющая место в реальности, одна и та же во всех случаях, однако различные понятия избирают из этого различную комбинацию элементов и выражают лишь это.

Сказанное представляет собой универсальное свойство, присущее как понятийному познанию мира, так и языку: каждое понятие "выбирает" из реальности лишь определенную конфигурацию элементов, фиксирует их в своем содержании, не учитывая остальных. В каждом таком понятии отражаются те комбинации элементов человеческой деятельности, которые в нашей практической деятельности оказывались существенными, в первую очередь те, относительно которых люди имеют необходимость друг другу что-нибудь сообщать.

Элементы, охватываемые понятием, могут представлять собой более или менее короткую, относительно непрерывную часть человеческой деятельности, например, понятия "открывать двери", "закрывать двери". Они могут быть во времени отделены друг от друга, и между ними могут помещаться другие элементы человеческой деятельности. Таким элементом может быть, например, "выращивание". Они могут характеризовать человеческую деятельность в более или менее общем плане. Например, "выращивание зерна", "посев зерна" (что является одной частью "выращивания зерна"), "погрузка зерна" и "подъем зерна" и т.д.

Чтобы провести различие между тем, что относится к уровню мышления, и между тем, что относится к уровню объективной реальности, мы употребляем следующую терминологию: слово "деятельность" (человеческая деятельность, деятельность че-

ловека) означает происходящий в реальности непрерывный процесс во всех его деталях. Известные конфигурации элементов в этом процессе мы называем действиями: действия покупки, продажи, кражи и т.д. Действия – это объективная структурность в бесконечно варьирующейся реальной человеческой деятельности: предсказываемая, предвидимая, а вследствие этого и поддающаяся регулированию регулярность. Как показывает приведенный выше пример о действиях, обозначаемых словами "говорить", "врать", "клеветать" и "шептать", одна и та же реальная деятельность может содержать несколько различных действий.

На уровне мышления действиям соответствуют понятия действий: понятие покупки, понятие кражи. Понятие, которое охватывает все мыслимые действия и относительно которого таким образом понятия действий являются видовыми понятиями, является общим понятием действия, понятием "действие".

В языковом общении обыкновенно не проводят такого различия. Одни и те же слова, например, "красть" или "врать" могут быть использованы как для выражения действий, т.е. имеющих место в реальности отдельных случаев, так и для обозначения соответствующих понятий. Например, "Кража была совершена на улице Н." или: "Кража – антиобщественное явление" или: "Кража (здесь уже понятие) подразделяется на несколько видов". Чтобы установить различие между выражениями, обозначающими действия и соответствующие понятия, мы в последующем употребляем в случае последних кавычки или прибавляем слово понятие.

Как мы уже отметили, каждое понятие действия, находясь на уровне мышления, выражает то, что является общим в конкретных действиях. Хотя эти конкретные действия, которые мы подводим под одно понятие, могут выглядеть различно, они все содержат то общее, что их объединяет. Это общее и составляет сущность понятия действия.

Например, такое понятие, как "кража" может на уровне реальности иметь место как часть бесконечного числа различных действий (засовывание руки в чужой карман и вынимание оттуда кошелька; взлезание через окно в чужую квартиру и захватывание оттуда чужой вещи и т.д., и т.д.).

В обиходной речи люди обыкновенно оперируют общеизвест-

ными понятиями интуитивно, не умея эти понятия точно определить. Ничего особенно плохого в этом нет, поскольку обыкновенный обмен мыслей не требует большей точности.

В научных трактовках необходимо точное определение понятия. Большое требование в этом отношении предъявляет и правовое регулирование. Здесь необходимо, чтобы употребляемые понятия были определены с достаточной точностью. В противном случае может возникнуть немало разных недоразумений как с точки зрения правового регулирования, так и с точки зрения применения права.

Определение понятия происходит обыкновенно подведением его под другое, более широкое понятие. Так, например, если определить "осел — животное", то мы подводим понятие "осел" под более широкое понятие "животное".⁶ Однако при таком определении понятия целый ряд признаков этого понятия остаются эксплицитно невыраженными. Кроме того в логике имеется целый ряд способов определения понятий. Но нас здесь не интересует формально-логическое определение понятий в общем, а раскрытие и определение понятий действий.

Одним из способов осмысления и определения понятий действий является анализ их структуры и установление границ ее отдельных частей. Нам кажется, что этот способ представляет интерес как с точки зрения науки права, так и с позиции формализации правовых норм, поскольку он позволяет конкретно подходить к определению понятий действий.

Исходным пунктом является здесь то, что на уровне реальной действительности действия имеют свою определенную структуру. Так, например, каждое действие предполагает субъекта, совершающего действие, время и место, когда и где оно совершается, средство, с помощью которого оно совершается и т.д., и т.д. Структура понятий, выражающих действия — структура понятий действий — возникает из объективной структуры действий, она отражается и закрепляется в них.

Последнее обстоятельство существенно иметь в виду, чтобы уметь правильно оценивать установки неопозитивистов, которые, ограничиваясь внутриязыковым анализом, изолируют созна-

⁶В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 149.

ние и мышление от объективной реальности.”

2. Структура понятия действия. Выше мы привели общие методологические исходные положения, которые, на наш взгляд, должны быть положены в основу анализа понятий действий через их структуру. В последующем мы пытаемся показать, что конкретно вытекает из этих положений в отношении структуры понятия действия, что представляет собой структура понятия действия.

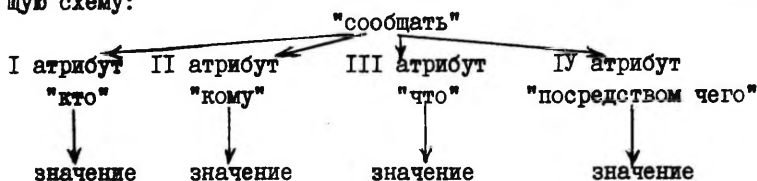
Возьмем, например, понятие сообщения, которое предполагает наличие следующих элементов: 1) кто сообщает, 2) кому сообщается, 4) посредством чего сообщается (например, по телефону), 5) каким образом сообщается (например, осторожно, резко, откровенно и т.д.), 6) с какой целью сообщается, 7) в каком месте и в какое время сообщается и т.д.

Поскольку понятия несходны между собой, различается в некоторой степени и их структура, например, у понятия бега отсутствуют второй, третий и четвертый аспекты, которые имеются у понятия сообщения. Ведь не бегают же кому-нибудь, что-нибудь или посредством чего-нибудь.

Возможный комплект аспектов показывает, с каких сторон можно охарактеризовать понятие действия. Каждую такую сторону мы можем при этом охарактеризовать определенными понятиями.

Указанные аспекты мы условно называем атрибутами соответствующего понятия, а понятия, характеризующие эти атрибуты, назовем значениями этих атрибутов.

Чтобы пояснить вышесказанное наглядно, приведем следующую схему:

⁷ См. М.С. Козлова. Философия и язык. М., 1972, стр. 17, 64, 173.

У каждого понятия, обозначающего действие, имеется своя, характеризующая его структура. Каждый атрибут структуры в свою очередь имеет известное количество возможных значений, посредством которых он вообще может выражаться (область значений). Это означает, что в случае каждого атрибута его значениями могут быть лишь единицы, входящие в определенную логико-семантическую категорию. Если в качестве примера взять понятие *пить*, то значениями его атрибута "что" могут быть только единицы, обозначающие какие-либо жидкости, поскольку пить можно лишь жидкости. В случае же такого понятия как *"сообщить"* значениями атрибута "что" могут быть единицы, обозначающие определенные события, ситуации и т.д. (в языковом выражении предложения или их эквиваленты - названия событий, ситуаций и т.д.).

Таким образом понятие действия, обозначающее какое-либо действие, может отличаться от другого либо структурой атрибутов, либо возможными значениями атрибутов, либо обеими категориями.

То же относится в принципе к понятиям, которыми мы выражаем значения атрибутов. И они все имеют определенную структуру с атрибутами и их определенными значениями. Структуру любого понятия действия мы можем изобразить в виде общей схемы:

Желая определить понятие какого-либо действия, мы должны давать требуемым атрибутам определенные значения, т.е. присваивать им соответствующие понятия.

В зависимости от того, как подробно мы хотим определить соответствующее понятие действия, мы должны установить раз-

ветвление его общей структуры и все ее элементы, т.е. значения структур. Эта структура и определенные значения ее частей и есть то общее, что свойственно как соответствующим конкретным действиям, так и понятию действия, и на основе чего мы подводим различные отдельные действия под одно понятие действия.

Все это относится и к определению понятия действия в случае правового регулирования.

Предложения, регулирующие известное действие, должны содержать всю необходимую информацию о структуре атрибутов соответствующего понятия и о их возможных значениях. В этом смысле структура понятия действия определяет структуру правовых предписаний, направленных на регулирование соответствующих действий.

Например, желая урегулировать такое действие, как ловля рыбы, мы должны в первую очередь установить по крайней мере следующие атрибуты соответствующего понятия: 1) в отношении кого это регулирование имеет силу или в отношении кого оно не имеет силы (субъект ловли рыбы); 2) в отношении какой рыбы и водных животных оно имеет силу (объект ловли рыбы); 3) при помощи чего (ловля какими средствами) запрещена или допущена; 4) какие способы ловли запрещаются или допускаются; 5) в каких целях ловля воспрещается (допускается); 6) в какое время и в каких местах ловля запрещается (допускается) и т.д., и т.д.

Если приступить к заполнению этой структуры значениями, возникают новые проблемы на почве определенности и точности употребляемых понятий. Например, если мы для установления в отношении какой рыбы регулирование имеет силу, даем перечень рыбы, то из структуры понятий последней следует в свою очередь, что необходимо определить, рыба каких размеров подлежит регулированию или какими являются другие признаки, из которых исходить и т.д. Конечно, вместо перечня рыбы можно употреблять и другие понятия, но в связи с ними возникают другие проблемы.

В определении употребляемых значений мы должны достигнуть того, чтобы иметь дело с твердо ограниченными понятиями, относительно которых ясно, что значения их атрибутов,

которые специально не определены, в регулировании данного вопроса не играют существенной роли. Если мы этого не делаем, в правовом предписании могут оставаться "открытые концы" и неточности, которые нельзя допускать.

Исходные положения и теоретические принципы описанного выше структурного анализа понятий можем найти в структурной лингвистике, или более конкретно, в исследованиях, целью которых является объяснение структуры предложений и текстов определенными свойствами встречающихся в них слов.⁸ При каждом слове пытаются определить те аспекты, через которые значение этого слова увязывается со значениями других слов — то есть посредством чего это слово дополняется, уточняется. Поскольку центральной, организующей единицей преобладающей части предложений является глагол, то при таком подходе основное внимание направляется на анализ значений глаголов. Для нас же это представляет особый интерес потому, что действия, в анализе которых мы здесь заинтересованы, в языке выражаются именно глаголами.

Основное содержание названных исследований состоит в том, что они пытаются выяснить определенный общий перечень синтаксико-семантических отношений, через которые значения одних слов могут увязываться с другими, и после этого относительно значения каждого слова (глагола) показывается, какие из этих связей в случае данного слова возможны. Такой принципиальный подход к анализу значений слов присущ в одном или другом варианте преобладающей части теоретических концепций современной структурной лингвистики.⁹

⁸ В лингвистике анализируются значения слов. Вопрос о соотношении значений слов и понятий (в анализе которых заинтересованы мы) является дискуссионным. По мнению многих авторов, их нельзя во всяком смысле отождествлять. Однако во многих отношениях значения и понятия представляют все же однородные единицы, особенно с точки зрения построения этих структур. Нас же интересует в случае понятий именно этот аспект.

⁹ Из работ, в которых непосредственно рассматриваются названный метод анализа и описания, особо можно отметить например, следующие: C. J. F i l l m o r e. The Case for Case. "Universals of Language". Ed. by E. Bach, R. Harms. New York, 1968; C. J. F i l l m o r e. Types of Lexical Information "Studies in Syntax and Semantics". Ed. by F. Kiefer. Dordrecht, 1969; Ю. Д. А п р е с я н. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. "Проблемы структурной лингвистики 1972". М., Наука, 1973;

Но что еще более существенно, это то, что принципиально такой же подход найден наиболее подходящим и адекватным также в кибернетических моделях языка, которые представляют собой практическое применение структурной лингвистики в кибернетических системах, работающих на базе ЭЕМ, как, например, семантические информационные системы и системы искусственного интеллекта.¹⁰ Наши термины "атрибут" и "значение" выбраны по примеру терминологии, используемой в кибернетических моделях языка.

Предлагаемый перечень связей варьируется по авторам. Одним из наиболее полных перечней является перечень, предлагаемый Ю.Д. Апресяном (ук. соч.), в котором приведено 25 видов связей, например, субъект (движется - что), контрагент (покупать - у кого), объект (глядеть - что), инструмент (резать - чем), содержание (обдумывать - что), адресат (сообщить - кому), причина (радоваться - чему), результат (превращать - во что) и т.д.

Значение каждого глагола (в нашем смысле понятия действия) характеризуют, конечно, не все возможные связи, а лишь их определенная комбинация, как указано выше. В случае действий, регулируемых правом, при этом очевидно, что одни атрибуты относительно более существенны, чем другие. Так, например, такие атрибуты, как субъект, контрагент, инструмент, последствие, результат являются релевантными при правовом регулировании очень многих действий, между тем как такие атрибуты, как адресат или содержание характеризуют лишь специфические действия.

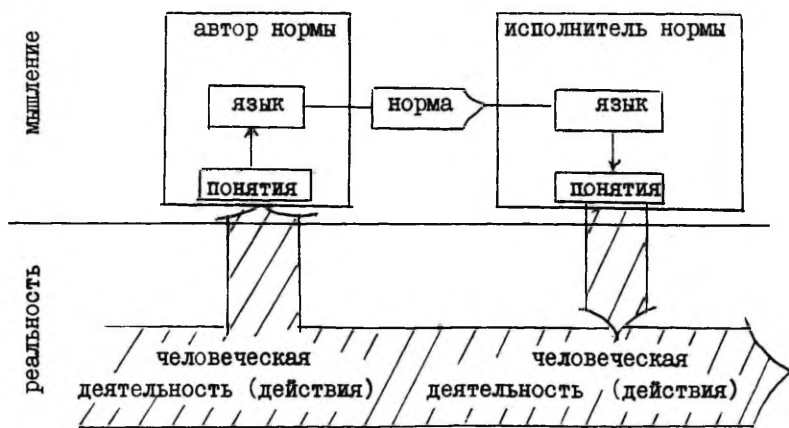
H. R a t s e p. On the form of Government Structure Types of Estonian Simple Verb. "Generatiivse grammatika gruppi aastakoosoleku teesid". Tartu, 1969, lk. 20-28; H. R a t s e p. On Deep Situations and Sentence Patterns. "Trends in Soviet Theoretical Linguistics". Ed. by F. Kiefer. Dordrecht-Holland, 1973, pp. 105-122.

10

См., например, Информационно-поисковая система "БИТ". Киев, 1968. R. C. S c h a n k. "Conceptual Dependence: A Theory of Natural Language Understanding. "Cognitive Psychology", vol. 1, 1972, No. 4, pp. 552-631.

II Соотношение структуры понятия действия и правового регулирования действий

Целью права является регулирование (вызывать, предотвращать, направлять) действия, имеющие место в реальности. Право может осуществлять это лишь при помощи понятий, в том числе путем оперирования должным образом понятиями действий. "Для того чтобы человек стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову", — говорит Ф. Энгельс.^{II} С одной стороны, знания автором нормативного акта о реальных действиях, подлежащих регулированию, могут быть представлены в его сознании лишь в виде соответствующих понятий, с другой стороны, регулировать можно действия лишь через сознание людей, совершивших эти действия, то есть при опосредствовании понятий. Для выражения и передачи понятий пользуются языком. Таким образом мы можем правовое регулирование (учитывая лишь те аспекты, которые касаются настоящего изложения) представить в виде следующей схемы:

В принципе мы можем представить себе составление правового предписания состоящим из двух компонентов: I) представление структуры и атрибутов — значений соответствующих поня-

^{II} К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, т. 21, 1961, стр. 310.

тий действий и 2) увязывание должным образом этой структуры с деонтическими категориями "запрещено", "дозволено", "обязательно".

Логической структурой и свойствами нормативного предписания занимается логика норм или так называемая деонтическая логика.¹² В логике норм представляются нормы состоящими в основном из двух типов компонентов, которыми являются деонтические операторы ("дозволено", "запрещено", "обязательно" и т.д.) и понятия действий. Исследуются связи логических выражений, составленных из этих компонентов - следуемость, противоречивость и т.п. При этом внимание деонтической логики сосредоточено в основном на деонтических операторах и их логических связях, а не на понятиях действий. Хотя понятие действия играет в деонтико-логических исследованиях в принципиальном аспекте существенную роль, деонтическую логику не интересуют виды конкретных действий. Из внутренней структуры понятия действия учитываются в формальных трактовках лишь самые общие компоненты. Например, Г.Х. фон Райт в своей "Общей теории действий" выделяет при описании действий фактически лишь единственный компонент: результат действий.¹³ Лишь отдельные авторы указывают на необходимость обращать внимание на системное описание структуры понятия действия¹⁴.

Для практического подхода к формальному описанию правовых предписаний такая трактовка слишком абстрактна. Под практическим подходом мы понимаем, например: установление точности и адекватности правовых предписаний, формализацию правовых предписаний в рамках автоматизированных информационных систем и т.д. Здесь целью является не просто выработка определенной формальной деонтико-логической системы, а представление системы, реально существующей в действующих нормах, и на этой основе построение функциональной модели правового регулирования.

---

¹² Хороший обзор многочисленных исследований в этой области дает А.А. И в и н. Логика норм. М., "Наука", 1973.

¹³ G.H. Wright. An Essay on Deontic Logic and the General Theory of Action. - Acta Philosophica Fennica, Fasc. XXI, Amsterdam, 1968.

¹⁴ См., например, R. Rescher. On the Characterization of Actions. E. Brand (ed.), The Nature of Human Action, Illinois, 1970, pp. 247-254.

Такой подход требует дополнения и конкретизации общих деонтико-логических трактовок, по крайней мере, в трех основных аспектах.

Во-первых. Кроме деонтических операторов, которыми деонтическая логика обыкновенно оперирует, следует проанализировать и всевозможные другие понятия (операторы), в которых конкретно выражается регулирующая функция правовых предписаний: требование, распоряжение, директива, рекомендация, предложение и т.д. Необходимо точно выяснить, в чем состоит регулирующая сила каждого из них, что следует из каждого из них, каково их взаимоотношение и т.д. В этом смысле необходимо увязать теоретические двувалентные логики с весьма различными деонтическими операторами, существующими в языке.

Второй аспект, в чем деонтико-логическую трактовку следует конкретизировать, это структура понятия регулируемого действия. Без точного описания понятия действия немислимо формальное описание соответствующего правового предписания. Отсюда следует, что при формальном описании употребляемых в практике правовых предписаний анализ понятия действия имеет центральное значение. Если в логике конкретная структура того или другого регулируемого действия не существенна, то здесь именно она является определяющим фактором. Поэтому первая часть настоящей статьи и была посвящена этому вопросу - описанию понятия действия.

В-третьих, следует рассматривать связь деонтических понятий с внутренней структурой понятий действий, т.е. показать точно, что регулируется и каким образом регулируется. Последующая часть статьи посвящена этому вопросу.

Основное, на что мы здесь хотим обратить внимание, состоит в следующем: запрет, приказание или дозволение обыкновенно не связываются с понятием действия как целым, а с одним или другим из его атрибутов, или точнее, с определенным значением одного или другого атрибута.

Например, если взять такое само собой вполне нейтральное действие, как пить, то мы можем убедиться, что чисто логически можно запретить значения любого атрибута соответствующего понятия действия. Так, пить можно запрещать кому-то; можно запрещать пить что-то; можно запрещать пить посредством чего-то, в каком-то месте, в какое-то время и т.д.

Запрещать, приказывать, позволять можно также определенные комбинации значений каких-то атрибутов. Например, можно запретить кому-то пить что-то или можно запретить пить в определенном месте в определенное время. Можем сказать, что сколько рассматриваемое понятие имеет атрибутов и комбинаций их различных значений, столько имеется логических возможностей запретить что-нибудь в связи с соответствующим действием. Даже такое действие, как убийство, строго говоря, не всегда запрещено, а запрещено при известных условиях, т.е. при определенных значениях атрибутов данного понятия.

Конечно, имеются действия, совершение которых запрещено, приказано или дозволено (в одном или другом законодательстве) во всей широте набора их атрибутов. Например, очевидно запрещены также действия, как изнасилование и истязание.

Рассматривая конкретные правовые акты, регулирующие одно или другое действие, мы видим, что они в принципе построены в соответствии с вышеописанным. Мы можем проиллюстрировать это некоторыми простыми примерами из правил, регулирующих рыбную ловлю. В них, например, сказано, что запрещается:

- закрывать рыболовные снастями более $2/3$ ширины реки;
- устанавливать неподвижные невода в шахматном порядке;
- пользоваться мутником со 2 апреля по 20 июня и т.д.

С логической точки зрения в приведенных примерах "действиями" являются закрытие, установление, пользование. Остальной материал включается присвоением определенным атрибутам этих действий конкретных значений. Например, при закрытии указаны, во-первых, средство закрытия - рыболовные снасти, и во-вторых, размер закрытия более $2/3$ ширины реки. Такая конкретизация значений этих двух атрибутов и является запрещенной. Или следующий пример из той же области: запрещены ловля, прием и обработка рыбы и раков, размеры которых ниже ... Опять-таки то, что запрещено в связи с такими действиями, как ловля, прием, обработка дано конкретными значениями одного атрибута (объекта) этих понятий. При этом, как мы видим, необходимо, в свою очередь, уточнить содержание понятий "рыба" и "раки", являющихся непосредственными значениями рассматриваемого атрибута. Это осуществляется путем конкретизации значения одного определенного атрибута ("размер") послед-

них. Аналогично происходит это и при других правовых предписаниях.

Такое дозволение, приказывание и запрещение определенных атрибутов оформляет структуру правового предписания. Ясно, что от ширины развертывания и точности этой структуры зависят точность и определенность всего правового предписания. Недостатки в развертывании структуры действий, а также недостаточное определение приказанных, запрещенных, дозволенных значений, это те стороны, в которых очень часто выражается неполнота правового предписания. С другой стороны, может иметь место излишествование в употреблении этих компонентов, что делает правовое предписание напрасно сложным.

III 0 практических приложениях

Нам представляется, что вышеописанный подход к правовым предписаниям может иметь разные сферы практического приложения.

В первую очередь, структурный анализ регулируемых правом действий даст возможность точнее определять эти действия и их регулирование. Эти аспекты существенны, с одной стороны, с точки зрения выработки законодательных актов, а с другой стороны, с точки зрения их применения. Сюда относятся и такие проблемы, как структура отдельного правового предписания, структура определенных групп правовых предписаний и другие подобные вопросы.

Давая возможность формализовать правовые предписания, вышеописанный подход создает более значительные предпосылки для применения ЭВМ в логической обработке правовых предписаний. Сюда относятся прежде всего вопросы, связанные с автоматизированным поиском правовых предписаний в фактографических и семантических поисковых системах, а также с минимизацией системы правовых предписаний, отыскиванием противоречий в ней, отыскиванием неопределенных ситуаций в общей системе и т.д. Все такие логические операции с правовыми предписаниями имеют своей предпосылкой то, чтобы регулируемые в предписаниях действия были формально сравнимы и идентифицируемые, в особенности же, чтобы при каждом действии было возможно точно и формально представлять то, что в этом действии подлежит регулированию, и как оно подлежит регулиро-

ванип.

В непосредственной связи с последним (хотя в более далекой перспективе) находится в конечном счете и выработка искусственного интеллекта в той части, которая касается его нормативного аспекта.

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА ДЛЯ ОБЩЕНИЯ С ЭВМ

И. С и л ь д м я э,
доктор экономических наук, профессор
А. Х е л е м я э,
ст. инженер
Х. Н й м,
кандидат филологических наук

Для того, чтобы стало возможным общение с ЭВМ при помощи естественного языка, язык нужно рассматривать как средство управления процессами обработки информации в воспринимающем. В случае каждого языкового сообщения (предложения) необходимо выявить и представить в эксплицитной форме операции, которые понимание данного сообщения вызывает в структурах памяти воспринимающего. В работе обсуждаются общие принципы представления названных операций и описываются их конкретные механизмы. Показывается, что основной операцией в процессе языковой коммуникации является присваивание определенных (новых) значений атрибутам — переменным концептов, имеющихся в структурах памяти воспринимающего. Предложения описываются как организованные определенным образом последовательности таких операций.

I. Известно, что общение с ЭВМ на естественном языке пока возможно только в рамках какой-нибудь узкой тематики, потому что для общения надо разъяснить ЭВМ — формально определить значение каждого слова и каждой языковой конструкции, которые будут использованы в общении.

Но для того, чтобы достичь общения с ЭВМ при помощи естественного языка — и вообще для того, чтобы научить ЭВМ понимать тексты на естественном языке — кроме вышесказанного надо понять, в чем вообще заключается общение на естественном языке. Формальное представление слов и конструкций еще

не решает проблемы: надо выяснить те механизмы, в которых эти конструкции функционируют в процессе естественного общения. Для лучшего понимания сущности процесса коммуникации мы выбрали в качестве той тематики, с которой мы будем общаться с ЭВМ — и относящиеся к которой явления нам, следовательно, предстоит эксплицировать — само естественное общение людей; и более точно: социальную интеракцию людей при помощи естественного языка. Оказывание социального влияния друг на друга образует, по нашему мнению, первичную форму языкового общения людей.

Формальное описание и моделирование на ЭВМ механизмов языкового взаимодействия, в свою очередь, поможет нам понять сущность языка и, таким образом, вносит ясность и в проблему свободного общения с ЭВМ на естественном языке.

2. Если рассматривать язык в описанном контексте социального взаимодействия, то становится ясным, что в формальных описаниях языка, предложенных до сих пор — в том числе и в описаниях, ориентированных на обработку текстов на ЭВМ (например, /2/, /8/) — остался вне рассмотрения один существенный аспект в функционировании языка в процессе общения. В этих теориях проблему формального описания (анализа) языка видят в том, чтобы в случае любого текста, в частности, любого предложения — установить структуру, представляющую смысл данного текста. В этих моделях в центре внимания находятся правила, по которым тексты как последовательности определенных единиц обрабатывают в структуры, представляющие смысл соответствующих текстов, т.е. в их семантические репрезентации. Но в естественном процессе общения обработка какого-нибудь текста со стороны воспринимающего далеко не ограничивается выяснением смысла данного текста в вышеописанном значении. С точки зрения общения, целью каждого сообщения — текста является оказывание определенного влияния на воспринимающего.

Подходы, в которых под обработкой языковой информации понимается трансформирование текста в структуру, представляющую смысл текста, дают слишком узкую и, в известной мере, даже неправильную картину о языковом общении. Информацию, содержащуюся в сообщении, воспринимающий должен связывать своими прежними знаниями; так сказать, это информация должна

быть введена на определенное место в структуры памяти воспринимающего, что, в свою очередь, должно вызывать известные изменения в этих структурах. (Мы будем использовать термин "структура памяти" для обозначения структур, которые могут представлять любую информацию в головах участников коммуникации; подробнее содержание данного термина будет объяснено ниже).

Если такое связывание не состоялось, сообщение не выполнило свою цель и, соответственно, акт коммуникации не совершился.

Описывать язык как средство общения (в частности, с ЭВМ) значит, таким образом, выяснить в случае каждого возможного предложения (вдобавок к установлению его семантической репрезентации), каким образом новая информация, переданная данным предложением, связывается с прежней информацией воспринимающего, какие изменения вызывает прибавление этой информации, в чем состоят эти изменения и от чего они зависят. Мы утверждаем, что закономерности, по которым протекают описанные процессы, могут быть определенным образом выведены из самих текстов, и что эти закономерности могут быть описаны при помощи определенной системы правил, выявление которой является задачей отчасти лингвистики, отчасти других наук, занимающихся проблемами языкового общения.

Если описание отношения между текстом и статистической структурой, представляющий его смысл, традиционно относят к семантике, то описанную выше проблематику — описание воздействия данного текста на воспринимающего — можно отнести к п р а г м а т и к е. Какие проблемы в рамках лингвистики относятся к прагматике и какие принципы должны здесь лечь в основу прагматики, мы обсудили в /4/ и /5/. В несколько ином контексте данная проблематика обсуждалась, в частности, Ю.А. Шрейдером /9/.

Центральным фактом при описании связи между текстом и воспринимающим его является то, что воздействие, оказываемое сообщением на воспринимающего, всегда может быть описано в терминах определенных действий воспринимающего.

В этих действиях и, соответственно, в их описаниях надо различать, по меньшей мере, три разных уровня. Условно эти уровни можно называть уровнем лингвистических действий, ло-

гико-интерактивном уровне и конкретно-интерактивным уровнем, соответственно. На первом уровне мы имеем дело с действиями (операциями) воспринимающего, которые выводимы из чистоязыкового содержания сообщения. В этих операциях реализуется то, что можно назвать пониманием сообщения в узком смысле.

Новая информация из сообщения просто связывается структурами памяти воспринимающего и в последних выполняются нужные преобразования. Описание функционирования языка на этом уровне образует часть лингвистики и состоит в задании правил, которые в случае любого возможного языкового сообщения позволяют определить преобразования, вызываемые в воспринимающем в результате понимания данного сообщения.

На втором - логико-интерактивном уровне языковые сообщения рассматриваются не просто как тексты, которые воспринимающий должен понимать, а как носящие определенные типы социального воздействия; например: информирование, приказывание, запрещение, требование, уговаривание и т.д. Действиями воспринимающего рассматриваются соответственно реакции, совершаемые воспринимающим в ответ на одно или другое воздействие (например: соглашение, отказ, игнорирование и т.д.). Важно то, что для всякого воздействия существует определенное множество возможных реакций воспринимающего и что одна из этих реакций необходимым образом должна следовать за данным воздействием (предполагая, что воздействие достигло воспринимающего, т.е. что он воспринял сообщение и понял это в смысле первого уровня). Описание рассматриваемого уровня заключается в выявлении системы соответствий между языковыми воздействиями и реакциями воспринимающего.

На третьем уровне - на уровне конкретных воздействий - рассматриваются причины, от которых зависит то, какую реакцию из всевозможных будет выбирать воспринимающий в том или ином конкретном случае. Ясно, что эти конкретные соответствия уже не могут быть установлены на основе анализа одного лишь языка, а требуют исследования внеязыкового контекста.

3. Мы утверждаем, что все эти три уровня с их соответствующими закономерностями обработки информации релевантны также и в случае, если нашим партнером в коммуникации является ЭВМ. Проблема описывания соответствия между действиями

говорящего и воспринимающего на логико-интерактивном уровне, коротко затрагивалось нами в /II/. Ниже мы будем рассматривать, в чем состоят действия воспринимающего на лингвистическом уровне. Мы попытаемся показать, что представляют собой операции над структурами памяти, вызываемые информацией, содержащейся в сообщении, от чего эти операции зависят в случае конкретных предложений и как формально описывать эти операции.

Операции, происходящие на этом уровне, являются основой для операций высших уровней. Тем не менее здешние процессы обработки информации наименее исследованы. Но если мы хотим достичь того, чтобы использовать естественный язык в общении с ЭВМ — что в конечном итоге значит рассматривать естественный язык как язык программирования — то это невозможно без основательного изучения названных процессов.

Как мы сказали выше, основным содержанием операций здесь является связывание сообщаемой новой информации с информацией, имеющейся заранее в воспринимающем — введение нового материала на определенное место в структурах памяти воспринимающего и проведение в последнем соответствующих преобразований. Для того, чтобы воспринимающий мог оперировать с сообщенным ему материалом таким образом, в каждом языковом сообщении должны содержаться, по меньшей мере, три типа информации: 1) новая, сообщаемая информация; 2) ссылка на ту часть прежней информации, с которой надо связывать новую информацию; 3) ссылка на то, в чем это связывание конкретно должно состоять. Нетрудно видеть, что языковой единицей, которая построена в соответствии с таким разделением, является предложение. Предложение — это единица, в которой всегда общается некоторая новая информация о чем-нибудь заранее данном. Именно в этом заключается содержательный смысл предикативности — основного признака предложения /5/. Для различения новой и известной информации и для указания того, каким образом они должны быть связаны между собой, служит специальная организация предложения — его так называемая информационная структура, или актуальное членение. В случае обыкновенного, нейтрального предложения, как, например, Мальчик кушает яблоко, деление на новую и известную информацию не выявляется однозначно. Но каждое предложение можно перефразировать таким образом, что это деление станет однознач-

ным. Например, вышеприведенное предложение можно перифразировать, по меньшей мере, тремя способами, в зависимости от того, что считается в нем информацией: а) То, что мальчик кушает, есть яблоко; б) Тот, кто кушает яблоко, есть мальчик; в) То, что мальчик делает, есть кушанье яблока. Эти три фразы представляют собой разные сообщения. Таким образом, рассматриваемое предложение в качестве сообщения (т.е. прагматически) является многозначным, хотя оно однозначно.

Рассмотрим теперь ближе, что представляет собой отдельное сообщение (под сообщением мы в дальнейшем имеем в виду предложение в одной определенной интерпретации вышеописанного типа). Возьмем, например, сообщение Тот, кто кушает яблоко, есть мальчик. Здесь выражение Тот, кто кушает яблоко представляет информацию, предполагаемую раньше существующей, прибавляемую информацию представляет мальчик, в то время как есть указывает, как надо связывать между собой эти две части.

Для уяснения того, в чем заключаются механизмы такого связывания, надо обратить внимание на некоторые моменты, которые в форме вышеприведенного сообщения непосредственно не проявляются.

Во-первых, части сообщения, представляющие существующую и новую информацию (для простоты называем их субъективной предикатной сторонами соответственно) оформлены так, что они принадлежат одной и той же семантической категории, которая содержательно представляет собой их общее родовое понятие. С одной стороны, поскольку субъектом кушанья может быть только живое существо, то можно сказать, что местоимение тот на субъективной стороне представляет по содержанию категорию ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Но единица мальчик на предикатной стороне также принадлежит этой категории, поскольку любой мальчик является живым существом.

Во-вторых, в чем смысл общего родового понятия выясняется, когда посмотрим, какую роль играет соответствующая семантическая категория на субъективной стороне сообщения. Субъективная сторона, как мы знаем, представляет фрагмент структуры памяти, с которой нужно связывать представленную на предикатной стороне новую информацию.

Структуры памяти представляют собой концептуальные структуры, при помощи которых можно представлять любые зна-

ния. Наилучшая форма представления таких структур не совсем ясна, но на основании психолингвистических и инфолингвистических работ последних лет можно сказать, что, очевидно, наиболее целесообразными являются структуры, организованные в терминах определенных "концептуальных объектов" и содержательных отношений между ними /1/, /2/, /8/.

В нашей работе применяется один вариант такого представления. Структуры памяти в этом варианте образуются из, так называемых, к о н ц е п т о в; например: мальчик, яблоко кушать, требовать, красное, ждно и т.д. Для каждого концепта задан список его а т р и б у т о в, представляющих аспекты, с точки зрения которых данный концепт может быть охарактеризован, или формально - через которые данный концепт можно связывать с другими концептами. Атрибутами концепта кушать являются, например: АГЕНТ, ОБЪЕКТ, МЕСТО, ВРЕМЯ, ИНТЕНСИВНОСТЬ и т.д. А у концепта яблоко, например, такие атрибуты: ФОРМА, ЦВЕТ, ВКУС, ТВЕРДОСТЬ и т.д. Концепты, с которыми данный концепт связан через свои атрибуты, образуют з н а ч е н и я этих атрибутов. Подробнее такое представление рассмотрено в /3/. Если вернуться к ранее проанализированному сообщению, то сейчас можно сказать, что родовое понятие, общее обеим сторонам сообщения (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО), на субъектной стороне представляет возможные значения одного атрибута (АГЕНТА) концепта кушать, а концепт мальчик, находящийся на предикатной стороне и принадлежащий той же категории, представляет как раз тот концепт, который следует поставить конкретным значением рассматриваемого атрибута. В этой операции присваивания значения и заключается смысл рассматриваемого сообщения. На субъектной стороне сообщения выделяется позиция значения конкретизируемого атри-

бута, а на предикатной стороне представляется концепт, который надо поставить на место этой категории в качестве кон-

кретного значения атрибута.

Результатом данной операции является структура, которая по сравнению со структурой, представленной на субъектной стороне, более конкретна по отношению к значению рассматриваемого атрибута:

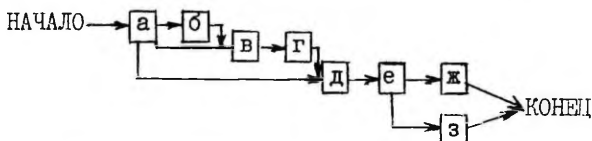

Таким образом, проанализированное предложение (в описанной интерпретации) можно рассматривать как функцию, которая обрабатывает субъективную структуру (как аргумент) в приведенную выше новую структуру, представляющую значение данной функции.

Так как структуры памяти всегда составлены из концептов, которые связаны между собой при помощи атрибутов, то все операции прибавления новой информации на уровне языкового общения в принципе могут описываться в терминах присваивания конкретных значений — концептов — атрибутам заранее данных концептов, или аннулирования существенных значений. Операции различаются между собой в зависимости от типов связываемых концептов, а также от их конкретности — абстрактности и индивидуальности — общности. Конечно, вопрос об операциях, которые встречаются в обработке структур памяти при помощи языковых сообщений, в общем, не так прост. К примеру, существуют и другие типы информации кроме непосредственно сообщаемого, которые требуют определенных изменений в структурах памяти. Например, предложение Иван взял книгу со стола носит, кроме информации о действии Ивана, еще и имплицитную информацию о том, что книга, которая раньше была на столе, больше там не находится; и, следовательно, также "описание" данной книги в памяти воспринимающего должно быть изменено соответствующим образом. Во-вторых, большинство слов имеют

неэлементарное значение и таким образом представляют не одну простую операцию, а определенные комплексы операций (см., напр., /5/ и /6/ об анализе таких примеров). Но здесь у нас нет возможности углубляться в обсуждение этих проблем.

На основе предыдущего в каждом отдельном сообщении должно произойти прибавление как раз одного нового концепта существующей информации. Но в естественном общении почти никогда не бывает так, чтобы каждое следующее предложение прибавляло к ранее сообщенной информации только одну новую единицу. Предложения (представляющие собой типичные языковые сообщения, как мы знаем), как правило, являются комплексными сообщениями. Для описания этих комплексных сообщений мы должны анализировать их как последовательности элементарных сообщений, упорядоченных определенным образом. В каждом элементарном сообщении прибавляется к прежней информации только одна единица (концепт). Что такая последовательность сообщений представляет собой, мы можем здесь только проиллюстрировать. Возьмем, например, следующее предложение: Маленький мальчик в черной шапке кушает большое круглое яблоко. Последовательность элементарных сообщений, соответствующая одной определенной интерпретации этого предложения, можно представить следующим образом: а) есть мальчик; б) рост мальчика - маленький; в) у мальчика есть шапка; г) цвет шапки - черный; д) деятельность мальчика - кушанье чего-то; е) объект кушанья есть яблоко; ж) размеры яблока - большие; з) форма яблока - круглая (вопрос о том, как такая последовательность устанавливается, не может быть обсужден здесь). Движение информации в данной последовательности сообщений можно иллюстрировать при помощи следующей блок-схемы (буквы в блоках указывают на соответствующие сообщения):

Каждое сообщение в этой последовательности представляет одну операцию (описанного выше типа) над памятью воспринимающего. Последовательность в целом представляет последовательность операций, которая соответствует целому предложению. Структуры памяти, получившиеся в результате операций,

выполненных в прежних сообщениях, служат вводом для следующих сообщений (притом только в определенном порядке, как показывает вышеприведенная блок-схема). Таким образом, описанное представление можно сравнивать с так называемыми операторными структурами из теории программирования /7/.

4. В вышеизложенном мы обсудили некоторые проблемы, которые неизбежно встанут, когда мы хотим описывать естественный язык как средство общения. Коммуникация всегда означает обработку определенной информации в воспринимающем. В этой обработке – непосредственная цель всякого акта коммуникации. Естественный язык является специальным средством управления процессами обработки информации в воспринимающем.

Нужно подчеркнуть, что если мы хотим использовать естественный язык в общении с ЭВМ, то это можно делать только в соответствии с той моделью, для которой язык в свое время был "создан". Поэтому мы должны прежде всего выяснить, что представляет собой эта модель: каким образом язык в своем естественном употреблении управляет названными процессами обработки информации, в чем состоят эти процессы и как они протекают. Иными словами, нужно разработать теорию языковой обработки информации.

Выше мы и пытались обсудить некоторые центральные проблемы такой теории.

Л и т е р а т у р а

1. Rumelhart, D.E., Lindsay, P.H., Norman, D.A. A Process Model of Long-Term Memory.- E.Tulving and W.Donaldson (eds.), Organization of Memory. New York-London, 1972, pp. 197-246.
2. Schank, R.C. Conceptual Dependency: A Theory of Natural Language Understanding.- Cognitive Psychology, v. 3, 1972, No. 4. pp. 552-631.
3. Сильдмяэ И., Хелемяэ А., Ыйм Х. О структурном анализе понятий действий и о правовом регулировании действий. Настоящий сборник.
4. Sin, H. keel, keeltoetus ja pragmatika /язык, языкознание и прагматика/. -Keel ja struktuur, 8. Tartu, 1973, 104-147.

5. Āim, H. The Semantic Treatment of Predicative Expressions. - F. Kiefer and N. Ruwet (eds.), Generative Grammar in Europe. Dordrecht-Holland, 1973, pp. 360-386.
6. Āim, H. Presuppositions and the Ordering of Messages. F. Kiefer (ed.), Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Dordrecht-Holland, 1973, pp. 123-134.
7. Бeрс А. Операторные структуры. - Теория программирования, I. Новосибирск, 1972, с. 44-81.
8. Мельничук И. А. Опыт теории лингвистических моделей "смысл - текст". М., 1974
9. Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической информации. - Проблемы кибернетики, вып. 13, 1965.

TRÜ KRIMINOLOOGIA LABORATOORIUMI
ETTEKANDEHOMMIKUTEST

Juba seitsmendat aastat järjest korraldab TRÜ krimino-
loogia laboratoorium süstemaatilisel ettekandehommikuid.
Need toimuvad 1968/69. õppeaastast alates kord kuus iga kuu
neljandal pühapäeval algusega kell 12 TRÜ peahoone audi-
tooriumis 307.

Kriminoloogiahommikute ülesandeks on kriminoloogia-
alaste teadmiste levitamine ja aktuaalsete probleemide ava-
lik arutamine. Ajavahemikul detsember 1968 - detsember 1974
on peetud 40 ettekannet. Neid on käinud kuulamas kokku li-
gemale 1200 inimest. Kuulajaskonnast on umbes 1/4 moodusta-
nud üliõpilased ja 1/6 õppejõud. Kuulajate hulgas on olnud
rohkesti ka praktikas töötavaid juriste. Osavõtt ettekande-
hommikutest on kõigile vaba.

Ettekannete temaatika on olnud võrdlemisi laiahaarde-
line. Lektorite hulgas on olnud Eesti NSV vastava ala mit-
med juhtivad töötajad ja spetsialistid.

1968/69. õppeaastal peeti järgmised ettekanded:

filosoofiakandidaat M. T i t m a - "Isiksus ja ku-
ritegevus;

TRÜ kriminoloogia laboratooriumi teaduslik juhendaja
õigusteaduse doktor I. R e b a n e - "Kas on mineviku-
igandid kuritegevuse ainsaks põhjuseks?";

õigusteaduse kandidaat dots. A. P a l t s e r - "Pi-
sihuligaansus ja pisihuligaanid";

Eesti NSV tolleaegne prokurör II kl. riigiõigusnõunik
V. R a u d s a l u - "Tahtlikus tapmises süüdimõistetute
struktuurist";

Eesti NSV siseministri esimene asetäitja siseteenistuse kindralmajor E. N ä ä r - "Kuritegevusevastase võitluse probleeme Eesti NSV Siseministeeriumi töös";

Eesti NSV prokurör (tollal prokurööri asetäitja) K. K i m m e l - "Alaealiste kambad ja kuritegevus".

1969/70. õppeaastal:

majandusteaduse doktor professor I. S i l d m ä e - "Ühiskond, inimene ja sotsiaalne norm";

Tartu linna prokurör õigusnõunik E. K a h a r - "Avaliku korra kaitse küsimusi Tartu linnas";

NSV Liidu Pedagoogika Akadeemia tegevliige pedagoogikakandidaat H. L i i m e t s - "Grupi mõju isiksuse kujunemisele ja kuritegevus";

TRÜ kriminaalõiguse ja -protsessi kateedri juhataja dotsent E. R a a l - "Alkoholi kuritarvitamise ja kuritegevuse vastu võitlemise mõningaid probleeme";

õigusteaduse kandidaat dotsent A. P a l t s e r - "Kohtuistungide organiseerimise tähtsus kriminaalasjas kasvatustlikust seisukohast (konkreetsete uurimiste andmeil)";

õigusteaduse doktor professor I. R e b a n e - "Kohtuistungide kasvatustlik mõju pealtkuulajatele kriminaalasjas (konkreetsete uurimiste andmeil)";

Eesti NSV Ülemkohtu esimees R. S i m s o n - "Kuritegevuse seisund, struktuur ja dünaamika Eesti NSV-s";

meditsiinidoktor professor M. S a a r m a - "Vaimuhaigete ühiskonnaohtlike tegude profülaktika";

Tallinna Keskrajooni Rahvakohtu esimees P. N u u m a - "Pisivargused toiduainetetööstuses ja nende ärahooldamise vahenditest (Tallinna Kondiitritavabriku "Kalev" andmeil)".

1970/71. õppeaastal:

Eesti NSV prokurör II kl. riigiõigusnõunik K. K i m m e l - "Kuritegevuse dünaamikast ja seisundist kodanlikus Eestis ja Eesti NSV-s";

Eesti NSV rahvakirjanik A. H i n t - "Rummu Jürist Halli Hundini (kirjanik kõneleb kurjategijast)";

õigusteaduse doktor L. L e e s m e n t - "Süütegu ja karistus Vana-Liivimaal";

õigusteaduse kandidaat dotsent H. L i n d m ä e - "Grafoloogia ja kirja kriminalistikaline uurimine";

Tartu Õigusnõuandla advokaat L. L i l l - "Advokaadi märkmikust";

Eesti NSV justiitsminister õigusteaduse kandidaat V. R a u d s a l u - "Massiinformatsiooni organite osast kodanike õiguslikul kasvatamisel".

1971/72. õppeaastal:

õigusteaduse kandidaat H. K ä r t n e r - "Uurija märkmikust";

füüsika-matemaatika kandidaadid dotsent I. K u l l ja dotsent E. T i i t - "Õigusteadus ja matemaatika";

TRÜ kriminoloogia laboratooriumi vanem teaduslik töötaja E. R a s k a - "Inimese käitumise õiguslikust reguleerimisest";

õigusteaduse doktor professor I. R e b a n e - "Kuritegevus Tartus 1946-1970";

Tartu Linna TSN TK Siseasjade Osakonna ülema asetäitja miilitsamajor H. P a l u v e e - "Miilitsatöötaja märkmikust";

meditsiinidoktor professor K. P õ l d v e r e - "Kuritegelikkus ja pärilikkus".

1972/73. õppeaastal:

õigusteaduse doktor professor I. R e b a n e - "Uut kriminaalseadusandluses";

õigusteaduse doktor professor V. K e l d e r - "Õhiskondlike protsesside süsteemne juhtimine";

pedagoogikakandidaat dotsent H. K u r m - "Seksuaalpedagoogilisi probleeme üldhariduslikes koolides";

Eesti NSV prokurör II kl. riigiõigusnõunik K. K i m m e l - "Õiguskorra kaitse aktuaalseid probleeme Eesti NSV-s";

Eesti NSV Prokuratuuri osakonnaülem õigusteaduse kandidaat G. H a z a k - "Kuritegevusest Eesti NSV-s 1972. a.";

geograafiadoktor professor S. N õ m m i k - "Linnas-
tumisest ja elanikkonna rändest".

1973/74. õppeaastal:

Eesti NSV Siseministeeriumi RAI jaoskonnaülem miilit-
sa-alampolkovnik H. T a i d r e - "Inimene - sõiduk
- tee";

Eesti NSV Kohtuekspertiisi Laboratooriumi direktor
S. S e l g - "Kriminalistikaline tehnika kuritegude avas-
tamisel";

bülletääni "Nõukogude Õigus" peatoimetaja L. K o i k
- "Õiguspropagandast massikommunikatsioonivahendeis";

Eesti NSV Prokuratuuri osakonnaülem õigusteaduse kan-
didaat G. H a z a k - "Kuritegevus Eesti NSV-s 1973";

õigusteaduse doktor professor I. R e b a n e - "And-
meid kuritegevuse kohta kapitalistlikes maades";

TRÜ kriminaalõiguse ja -protsessi kateedri juhataja
dotsent A. P a l t s e r - "Kriminaalseaduste aren-
gu suundi".

1974/75. õppeaastal:

EKP Keskkomitee osakonnajuhataja O. U t t - "Kaas-
aegne ideoloogiline võitlus ja nõukogude kultuur";

meditsiinikandidaat dotsent E. M u r a š e v - "Koh-
tuarst ja kuritegu";

õigusteaduse kandidaat dotsent H. K i n g s - "Amee-
rika kriminoloogia tänapäev";

Eesti NSV Ülemkohtu esimehe' asetäitja P. A f a n a s-
j e v - "Kuritegevuse seisund vabariigis ja kohtuorganite
ülesanded";

Eesti NSV Prokuratuuri osakonnaülem õigusteaduse kan-
didaat G. H a z a k - "Kuritegevus Eesti NSV-s 1974. a.".

S I S U K O R D

G. HAZAK.	Kuritegevuse ja muude õiguserikkumiste vastu peetava võitluse mõningatest probleemidest Eesti NSV-s	3
L. KOIK.	Õiguspropagandast massikommunikatsioonivahendeis	12
I. REBANE.	Kriminaalõigusteaduse ja kriminoloogia piiritlemisest	22
M. EISLER.	Kuritegevuse uurimise metoodikast Eesti NSV prokuratuuriorganeis	35
E. RASKA.	Individaalse õigusteadvuse struktuurist ja õiguskasvatuse eesmärkidest	48
I. SILDMÄE, H. ÕIM.	Teo mõiste struktuursest analüüsist ja käitumise õiguslikust reguleerimisest	64
I. SILDMÄE, A. HELEMÄE, H. ÕIM.	Keele formaliseerimine elektronarvutusmasinatele kasutamiseks ..	81
TRÜ	kriminoloogia laboratooriumi ettekandehommikutest..	92

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Г. ХАЗАК.	О некоторых проблемах борьбы с преступностью и иными правонарушениями в Эстонской ССР.	3
Л. КОЙК.	О вопросах правовой пропаганды и средств массовой коммуникации	12
И. РЕБАНЕ.	О разграничении науки советского уголовного права и советской криминологии	22
М. ЭЙСЛЕР.	О методике исследования преступности в органах Прокуратуры Эстонской ССР	35
Э. РАСКА.	О структуре индивидуального правосознания и целях правового воспитания	48
И. СИЛЬДМЯЭ, Х. ЫЙМ.	О структурном анализе понятий действий и о правовом регулировании действий	64
И. СИЛЬДМЯЭ, А. ХЕЛЕМЯЭ, Х. ЫЙМ.	Формализация языка для общения с ЭВМ	81
Об утренниках криминологической лаборатории ТТУ ...		92

Ученые записки Тартуского государственного университе-
та. Выпуск 376. ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ У. На эстонском
и русском языках. Тартуский государственный универси-
тет. ЭССР, г. Тарту, ул. Кликооли, 18.

Postutav toimetaja H. Kärtner. Korrektorid J. Laanekask,
M. Loginova. Paljundemisele antud 25.11.75. Trükipaber
nr. 2. 30x45...1/4. Trükipoognaid 6,21. Arvestuspoog-
naid 5,48. Trükiaja 400 eks. MB 08304. TRÜ trükikoda,
NSV, Tartu, Pälsoni tn. 14. Tell. nr. 1387. Hind 55
00.